

ЕЛЕНА
МАЛИНОВСКАЯ

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВА
ВЫБОРА

Руны любви

Елена Малиновская

Любовь без права выбора

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Малиновская Е. М.

Любовь без права выбора / Е. М. Малиновская — «АСТ»,
2015 — (Руны любви)

ISBN 978-5-17-093857-5

Когда-то у меня было все. Любящие родители, достаток в семье, блестящее будущее и молодой человек рядом, которого я готовилась назвать мужем. Но в один ужасный день все перевернулось. Из дочери графа я превратилась в нищую оборванку. Вместо красивого уютного дома – продуваемая всеми ветрами лачуга. Жених поспешил отказаться от «проблемной» невесты. И если я хочу выжить и отомстить за смерть родителей, то мне придется учиться правилам новой жестокой игры, в которой у любви нет права выбора.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093857-5

© Малиновская Е. М., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Малиновская

Любовь без права выбора

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Е. Малиновская, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть 1

Сделка с некромантом

Вьюга бушевала всю ночь. Наша ветхая лачуга сотрясалась от разгула непогоды. Ветер то и дело ударял в стены так сильно, что я вздрагивала от испуга и пряталась под дырявое одеяло с головой, ожидая, что в любой момент сорвет крышу. По крохотной комнатке – единственной в доме, если не считать сени, – гулял безжалостный ледяной сквозняк. Он кусал меня за щеки и нос, пробирался под грудку ветоши, наваленную на кровать, где я и Дирк, мой младший брат, безуспешно пытались укрыться от мороза. То и дело я выбиралась из этой норы и, страдальчески морщась, подбрасывала в печку очередное полено, не давая умереть огню. А потом еще долго стояла и с отчаянием смотрела на неуклонно уменьшающийся запас дров. До утра нам хватит. Наверное, продержимся даже до вечера. А что дальше? Это – последнее, что у нас есть. В дровянике пусто, соседи вряд ли дадут еще. Эту вязанку я и без того выпрашивала чуть ли не на коленях, клянясь всеми богами, что обязательно отработаю на любой грязной и тяжелой работе.

Но самое страшное заключалось не в этом. В действительности я не мерзла сегодня ночью, потому что на кровати подле меня спал младший брат. Его худенькое тщедушное тельце уже неделю терзала огненная лихорадка. Когда он обнимал меня в тщетной попытке согреться, то я ужасалась тому, насколько горячим он был. Казалось, тронь лоб – и обязательно обожжешься. И ему не легчало. Напротив, с каждым прожитым днем он все больше и больше времени проводил в тяжелом беспомоществе. Там, в бреду, он боролся с какими-то чудовищами, звал родителей, погибших прошлым летом. А я тихо плакала и на каждый его жалобный болезненный вскрик лишь приговаривала:

– Тише, тише, маленький мой.

Дирк почти не ел. Да и что я могла ему дать? Его бы отпоить наваристым куриным бульоном, но у нас оставалась лишь черствая и плесневелая буханка хлеба, которую сердобольная соседка сунула мне накануне украдкой, опасаясь разозлить проявлением милосердия чрезмерно рачительного мужа, не страдающего особым великодушием. Не передать словами, как сильно я была благодарна ей за это! Я топила снег, размачивала в получившейся воде корочки и безуспешно пыталась впихнуть хоть немного этого месива через плотно сомкнутые губы Дирка, покрытые кровавыми корочками жара, но тот лишь мычал и мотал головой, все так же не приходя в сознание.

Я понимала, что долго он не продержится. Если я сегодня не приведу к нему целителя, то к вечеру Вечный странник уведет моего брата к престолам бога-отца и богини-матери, как полгода назад он увел моих родителей. Но все целители, к которым я обращалась, требовали таких денег, каких у нас не было. И никому не нужна была в услужении чумазая девчонка, готовая пойти хоть в рабство, лишь бы спасти брата. А многие вообще не пускали меня на порог, едва услышав мое имя. Слишком прогремело оно в свое время по Хельону.

– Пить... – в этот момент простонал Дирк.

Я встрепенулась и бросилась к печке, где в котелке грелась вода для него. Зачерпнула глиняной кружкой, поднесла к губам брата, неловко поддерживая его за плечи.

Тот, не открывая глаз, сделал глубокий глоток. Подавился и закашлялся. Кашлял долго и тяжело, будто пытался выплюнуть легкие. А я с ужасом смотрела на то, как пузырится на его губах кровь. Только магия могла бы его спасти. Магия и целитель.

Неожиданно Дирк широко распахнул глаза. С силой, которую нельзя было предположить в исхудавшем тельце, схватил меня за руку.

– Я не хочу умирать, – четко и громко сказал он, глядя на меня с какой-то дикой смесью надежды и обиды. – Хеда, я не хочу умирать! Мне страшно...

– Ты не умрешь, – проговорила я и положила свободную ладонь на его пылающий лоб. – Ты не умрешь, Дирк. Я клянусь!

Мой голос задрожал и сорвался на последнем слове. Но я искренне верила в то, что говорила. Был еще один человек в нашей округе, к которому я еще не обращалась за помощью. Слишком страшило меня то, что он мог попросить взамен. Но почему-то я не сомневалась, что он согласится. Потому что у меня было что ему предложить в обмен на жизнь брата.

Дирк устало смежил веки и вроде как задремал. Я поправила на нем одеяло. Затем встала и отошла к печке. В каком-то диком порыве ярости распахнула дверцу и до упора забила топку драгоценными дровами. Этого хватит до моего прихода. Хоть не придется страшиться, что Дирк замерзнет, пока я буду ходить по делам. Если я ошибаюсь, и виеру Гарольду Триану покажется неинтересным мое предложение, то выход у меня останется только один. Я задвину печную заслонку и лягу рядом с братом. Говорят, смерть от угара быстра и безболезненна. Вот и проверю, так ли это. Но я не отпущу Дирка одного к престолу богов. В тот миг, когда он предстанет перед судилищем высших сил, я буду держать его за руку. Сестра, которая не сумела уберечь от смерти единственного оставшегося в живых родного человека.

Затем я повернулась к крохотному осколку зеркала, стоявшему на столе. Даже не помню, откуда я его притащила в свое время. Скорее всего, сохранила из прошлой жизни, когда мы жили в большом светлом доме и у нас было достаточно слуг...

Я зажмурилась и мотнула головой, запретив себе вспоминать о тех днях. Не стоит. Я почти убедила себя в том, что это был лишь сон. Очень красочный и до жути правдоподобный сон, где я была дочерью графа, а не чумазой, вечно голодной девчонкой, вынужденной ныне стоять на коленях, вымаливая краюшку хлеба.

Из отражения на меня взглянула бледная от переживаний и бессонницы девушка с осунувшимся лицом и лихорадочным блеском синих глаз. Темные, давно немые волосы убраны под шерстяной платок. Вместо платья – какая-то рванина, а поверх дырявый овечий полушубок. Надеюсь, виер Гарольд все-таки пустит меня на порог и выслушает, а не прикажет убираться прочь, сочтя за попрошайку.

Затем я бросила последний взгляд на Дирка. Впервые за долгое время его не мучили никакие кошмары. Он спал, свернувшись в клубочек, и на его губах блуждала слабая мечтательная улыбка. Хороший ли это знак? Не знаю. Говорят, перед самой смертью страдающие от огненной лихорадки получают передышку, когда жар отступает, и начинаешь надеяться, будто самое страшное позади. Но я верила, что застаю Дирка в живых, когда вернусь. Он не уйдет за вечным странником без меня. Этого просто не может быть!

Решив так, я втиснула ноги в разношенные валенки, подошвы которых, увы, давно были истерты до дыр, и вышла из избы.

* * *

На улице едва рассвело. Небо хмурилось низкими тучами, готовыми в любой момент вновь разверзнуть свое снежное брюхо над спящим городом. Я в нерешительности замерла на пороге, глядя в лиловые сумерки, повисшие над дорогой. Не слишком ли рано я отправилась в гости к виеру? Знать любит вставать поздно, ближе к обеду, поскольку ночи у нее отведены для веселого кутежа. Боюсь, виер Гарольд еще спит. Но, с другой стороны, вполне вероятно, он даже не вернулся домой. Его род занятий предполагает именно ночное бодрствование. Нельзя медлить! Если он ляжет спать, то слуги меня даже слушать не будут и не впустят в дом. А значит, Дирк окажется обречен, а вместе с ним и я. А если он еще не проснулся – то подожду. Но я обязана с ним встретиться, и как можно быстрее!

И я решительно сошла с крыльца. Правда, при первом же шаге провалилась в снег чуть ли не по пояс, щедро зачерпнув его валенками. Но упрямо отправилась вперед, страшась даже на миг задуматься о том, что будет ожидать меня в конце этой дороги.

Виер Гарольд жил на соседней улице. Казалось бы, странный выбор места для такого богача, как он. Обычно состоятельные люди предпочитали покупать дома в центре города, тогда как окраины были отведены беднякам. Но я понимала причины, по которым виер предпочел выбрать себе жилище здесь. Кладбище. Моя лачуга была крайней к погосту, примыкающему к западной части Хельона. И увы, у меня и брата были все шансы в ближайшем будущем переселиться по другую сторону кладбищенской ограды.

Я украдкой шмыгнула носом, в очередной раз запретив себе об этом думать. Сейчас не время себя жалеть. Сейчас я должна думать только о Дирке.

Пробираться через глубокий снег было настолько тяжело, что я не чувствовала холода, хотя мой полушубок напоминал настоящее решето. Напротив, достаточно скоро я взмокла от пота. Однако стоило мне только остановиться напротив дома виера Гарольда, как мороз тут же напомнил о себе. Предательский ветер мгновенно забрался под одежду, ледяными щупальцами огладил мою разгоряченную кожу, а пальцы ног в промокших валенках заledenели.

Я поправила на голове платок. Глубоко вздохнула, набираясь решимости.

В хмурых утренних сумерках дом виера выглядел брошенным. Ни огонька, ни отблеска свечи не мелькало в его окнах. Неужели я опоздала, и Гарольд уже лег отдыхать?

Стоило мне так подумать, как дверь дома распахнулась, и на высокое крыльцо вышла дородная степенная женщина в меховом полушубке. Она восхищенно ахнула при виде улицы, заваленной снегом, и деловито принялась вытряхивать какой-то половик.

– Простите, – робко окликнула ее я, оставаясь за кованой оградой. – А господин Гарольд...

– Позже приходи, девочка, позже! – не дослушав, оборвала меня женщина. – Его еще нет.

– А когда...

– Да кто же его знает, – опять не дала мне договорить женщина. Хихикнула. – Гарольд – он такой. Вечно на месте не сидится ему. Может вообще через неделю явиться. Он меня в известность о своих планах не ставит.

Через неделю! От этих слов женщины я почувствовала, как мое сердце на несколько секунд перестало биться. Это даже не катастрофа, это хуже! Это смертный приговор и для Дирки, и для меня.

По всей видимости, я слишком сильно переменялась в лице, поскольку женщина вдруг перестала трясти своей тряпкой и внимательно на меня посмотрела.

– Иди домой, деточка, – уже мягче повторила она. – Замерзнешь так стоять, одежка-то на тебе так себе. Завтра попробуй стукнуться. Авось повезет.

И ушла, не дожидаясь моего ответа.

Я глухо застонала и привалилась плечом к створу ворот. Нет, никуда я не уйду. Я не могу ждать до завтра! Дирк умрет уже сегодня, если ему не помочь. Я знаю это, чувствую. Поэтому буду стоять и ждать здесь. Я не могу вернуться домой одна. Пусть я замерзну до смерти, пусть. Я знаю, что у престола богов я встречу брата. Вдвоем нам будет не так страшно стоять, ожидая вердикта и оценки нашего земного пути.

Через некоторое время опять пошел снег. Я стояла и любовалась тем, как с неба падают огромные пушистые хлопья. Красиво! Жаль, что Дирк не видит этого.

Холода я уже не чувствовала. Напротив, почему-то с каждой секундой становилось все жарче. А еще очень хотелось спать. Видимо, сказались последние бессонные ночи, когда я со страхом прислушивалась к редкому прерывистому дыханию брата, боясь, что вот-вот оно прервется навсегда.

Наверное, я все-таки задремала. Какой-то промежуток времени просто выпал из моего сознания. В чувство меня привел громкий смех, раздавшийся совсем рядом. Я встрепенулась и вдруг поняла, что уже не стою, а сижу в сугробе. Должно быть, не удержалась на ногах от усталости и сползла.

– ...а она что тебе ответила? – услышала я отрывок разговора, и из-за поворота улицы показались двое мужчин.

– Сказала, что наглость должна быть вознаграждена, – услышала я ответ и новый взрыв смеха.

Я попыталась встать, но ноги совершенно не слушались меня. Создавалось такое ощущение, будто они не мои, а принадлежат чужому человеку. Вообще ничего не чувствую.

Я всхлипнула, вцепилась руками в створ ворот и с усилием принялась карабкаться вверх.

Тем временем парочка приблизилась, продолжая беседовать друг с другом.

– Ну и везунчик же ты, Гарольд! – с искренним восхищением и завистью произнес первый мужчина. – Такую красотку завоевал.

– Да, я такой... – с нескрываемым бахвальством отозвался его приятель.

Гарольд! Я перестала дышать, не в силах поверить в удачу. Неужели боги все-таки улыбнулись мне, и господин Гарольд решил пораньше вернуться домой? Я ни за что не упущу этот шанс.

– И что будешь делать дальше? – продолжал расспрашивать Гарольда его друг.

В этот момент пара приятелей поравнялась со мной. Увлеченные разговором, они даже не заметили меня, все еще силящуюся подняться из сугроба. Но пальцы упрямо не желали хвататься за обжигающе ледяной металл, а ног я по-прежнему не чувствовала. И раз за разом я бессильно оседала в пушистый снег.

– Даже не знаю, – все с теми же нотками откровенного самодовольства произнес Гарольд, который был выше своего собеседника почти на голову.

– Господин...

Голос задрожал и сорвался. Вместо оклика получился какой-то писк полужадушенной мыши. Товарищ Гарольда даже не услышал меня, но вот сам интересующий меня господин замедлил шаг и кинул на меня заинтересованный взгляд через плечо.

– Господин, – повторила я, отчаянно пытаюсь заставить свои ноги слушаться. – Прошу...

И попыталась схватить за полу теплого пальто товарища Гарольда, который как раз проходил мимо.

– Фу ты!

Его аж передернуло от отвращения. Он замахнулся было, явно желая отвесить мне хорошую оплеуху, но потом покосился на Гарольда и опустил руку. Неприятно хохотнул, отпрыгнув сразу на несколько шагов в сторону.

– Совсем попрошайки обнаглели, – проговорил он, с демонстративной брезгливостью отряхивая пальто, хотя я даже не прикоснулась к нему. – Уже на людей кидаются. Пойдем, Гарольд.

Я больше не пыталась ничего сказать. Все равно вместо слов получается какой-то невразумительный хрип. Видимо, слишком долго я пробыла на морозе, карауля свою последнюю надежду. Что же, виера я дождалась. Но ему явно нет никакого дела до меня.

И я опустила голову, почувствовав, как мир вокруг замерцал в пелене готовых пролиться слез.

Неожиданно я ощутила, как к моему подбородку прикоснулась чья-то рука, затянутая в дорожную кожу теплых перчаток. Легкий нажим – и вот уже я гляжу в спокойные и очень внимательные глаза виера Гарольда.

– Гарольд, да оставь ты ее! – раздраженно посоветовал другу незнакомый мужчина, который предпочел остаться поодаль. – Сейчас будет рыдать навзрыд, небылицы рассказывать да денег просить. Пойдем уже, выпьем горячего вина!

Я заметила, как по лицу виера Гарольда пробежала быстрая недовольная тень. Неужели он в самом деле сейчас уйдет, послушавшись приятеля?

– Мой брат... – Замерзшие губы никак не желали шевелиться. Я так много хотела сказать этому господину, но в итоге раздавались лишь невнятные восклицания. – Прошу...

– Сколько ты уже здесь? – спросил он, пропустив мимо ушей мою попытку объясниться. – Час, два?

Я лишь пожала плечами. Не помню. Наверное, намного дольше. Да разве это имеет значение? Там, в быстро остывающей лачуге сейчас умирает мой брат. И виер Гарольд должен, просто обязан пойти со мной!

– Пожалуйста! – Голос неожиданно окреп, и слово вырвалось криком. – Прошу, мой брат!..

– Да у тебя жар! – констатировал виер, прикоснувшись к моему лбу и тут же отдернув руку. – И сильный!

– Далась тебе эта бродяжка! – гневно фыркнул его друг, по-прежнему не делавший ни малейшей попытки подойти ближе. – Гарольд, дружище, ну что ты в самом деле дурью маешься! Оставь ее – и пойдем. Продолжим обсуждать прелести виериссы Агнессы в более приятной и теплой обстановке.

Но виер его не послушался. Мгновение – и я вдруг почувствовала, как поднимаюсь в воздух. Это он без малейшего усилия взял меня на руки и направился к крыльцу.

– Совсем с ума сошел, – печально констатировал его приятель и поспешил за нами. – Гарольд, девчонка-то хоть симпатичная? Или страшила какую волочишь?

Он говорил еще какие-то скабрёзности, перечислял, что они могут на пару со мной сделать перед тем, как накормят до отвала и дадут пару монет, но я не слушала. Я была готова к подобному повороту событий. Если честно, я шла сюда, уже понимая, что в оплату могу предложить лишь свое тело. Ну, или жизнь. Смотря что господину Гарольду окажется нужнее. Он ведь некромант, и некромант, как говорят, неплохой. А этой магической братии всегда требуется кровь девственниц, поскольку лишь она, по поверьям, открывает двери между миром живых и духов. К тому же по Хельону ходили настоящие легенды о любвеобильности и страстной натуре господина Гарольда. Даже среди бедняков шутили о постельных подвигах некроманта, который ничуть не гнушался иметь одновременно двух или трех любовниц из самых разных сословий. Те, к слову, частенько устраивали шумные выяснения отношений между собой и даже драки. Однажды я сама видела, как стражники растаскивали двух прехорошеньких девушек, сцепившихся не на жизнь, а на смерть у этого самого крыльца. А сам Гарольд с кем-то из друзей шумно подзуживал красоток, обещая выигравшей незабываемую ночь.

Понятия не имею, исполнил ли он свое обещание. Но через пару недель я видела его на городской площади под руку уже с другой, которая не участвовала в этой драке. Впрочем, спутницы у него менялись так часто, что многие делали ставки – как скоро господину некроманту придется пойти по второму кругу. До поры до времени его спасало то, что он с равным удовольствием привечал в своей постели и замужних дам, и незамужних, да и обществом крестьянок не брезговал, не говоря уж о дворянках и просто состоятельных горожанках.

Удивительно, но при всем этом некромант каким-то чудом умудрялся избегать разборок с разъяренными мужьями, обнаружившими, что по его милости обзавелись прекрасными рогами, хотя он никогда не делал секретов из своих многочисленных походов. Должно быть, обманутые супруги опасались связываться с магом, которому была подвластна магия смерти. Мало ли, какого духа призовет себе на помощь виер, вынужденный защищаться.

Наверное, могло бы показаться странным, что я желала попросить помощи именно у некроманта. Но, во-первых, все хельонские целители мне все равно отказали. А во-вторых, кому еще под силу отогнать Вечного странника от постели моего брата, как не некроманту, которому дана власть над миром духов.

Все эти мысли пронеслись в моей голове за один миг, пока господин Гарольд нес меня в свой дом. Я все пыталась сказать ему о Дирке, который ждал моего возвращения, но дар речи словно покинул меня. Я чувствовала себя так, будто сплю и никак не могу проснуться. То на пару мгновений теряла сознание, то вновь приходила в себя.

Казалось, будто этот путь к заснеженному крыльцу никогда не закончится, хотя он наверняка занял не больше пары минут. Неожиданно я обнаружила, что лежу на кровати, а та самая женщина, которая не так давно посоветовала мне не дожидаться прихода виера, деловито стаскивает с меня валенки и полушубок.

– Брат, – опять просипела я, сделав попытку схватить ее за руки. – Мой брат...

– Неужели ты с самого утра там стояла? – громко ужасалась она, не слыша моего шепота. – Это же жуть сколько времени прошло! А одежда-то на тебе: дырка на дырке!

И опять провал в памяти. Когда я открыла глаза в следующий раз, то увидела Гарольда. Он сидел подле меня и хмурил брови. Одна его рука приятно холодила мой лоб, а второй он держал меня за запястье, словно считал пульс.

– Господин! Прошу, мой брат!

Я чуть не плакала, не понимая, почему меня никто не слышит. Неужели все зря? Неужели Дирк так и не дождет помощи?

Темно-карие глаза некроманта странно блеснули, когда он взглянул на меня. А в следующее мгновение он приложил указательный палец к моим губам, не дав вымолвить ни слова.

– Спи! – властно приказал он, и мои веки сами собой отяжелели. – Поговорим позже.

– Вы не понимаете!

Я понятия не имею, сказала ли это вслух или только подумала. Сил сопротивляться магии виера Гарольда у меня не было. И я мягко соскользнула в объятия сна.

* * *

– Хеда, иди пить горячий шоколад!

Я улыбаюсь, слыша такой родной голос матери. Значит, пришло время наших посиделок, когда можно говорить обо всем на свете, обсудить последнюю прочитанную книгу или похихикать над соседским мальчишкой, который как-то незаметно из сорванца превратился в застенчивого высокого юношу. Он при встрече почему-то постоянно заливается краской смущения, будто забыл, как всего несколько лет назад при любом удобном случае дергал меня за косички. По дому уже ползет густой запах свежей выпечки – это Арта принесла в обеденный зал целую гору пышек. Окна распахнуты настежь, и в них вливается свежий воздух летнего вечера. Совсем недавно прошла гроза, поэтому пахнет мокрой листвой и травой. И я слышу смех Дирка. Радостный, взхлеб. Наверное, опять дурачится во дворе с приятелем. Строят крепость, в которой планируют обороняться от созданий бога-пасынка.

И вдруг – стук в дверь. Настойчивый, резкий. Сердце почему-то заходится болью от дурного предчувствия. Нет, нельзя открывать! Но я слышу шаги отца, который торопится спуститься по лестнице. Затем повелительные громкие слова, смысл которых ускользает от моего понимания. И – чернота дальше. Мой мир рухнул в тот пригожий летний вечер.

Я проснулась от собственного крика. Слишком страшным оказалось окончание сна. Ведь именно я первой обнаружила наших родителей. Обнявшись, они лежали на супружеской постели, приняв смертельную дозу синельника ядовитого. Быстрая и безболезненная смерть. Мои мать и отец... Они решили, что смерть будет наилучшим выходом в их ситуации. Но нас с

братом взять с собой не пожелали. До сих пор не понимаю почему. Неужели они не осознавали, на какую участь обрекают нас? Увы, у меня не хватило решимости последовать их примеру, хотя я нашла достаточный запас яда на туалетном столике. Я просто не смогла бросить Дирка на произвол судьбы, а самой убить брата... Нет, у меня бы не поднялась рука. И целых полгода после этого мы пытались выжить. Да, пусть в нищете, но все же. Просто жить. Чувствовать солнце на своем лице, ветер в волосах. Разве это не счастье? А наесться можно и яблоками. В прошлый год их особенно много уродилось, и мы с братом часами бродили по окрестным лесам, выискивая наиболее сладкие дички. Но потом пришла зима...

– Тихо, тихо. – На мою руку, лежащую поверх одеяла, ласково опустил чужая ладонь. – Ты что так кричишь? Кошмар приснился?

Я с трудом сфокусировала взгляд на той, кто попыталась меня утешить. Та самая женщина, которая выбивала половик на крыльце. Служанка? Дальняя родственница, принятая в дом из жалости? Неважно, впрочем.

– Сколько?

Голос по-прежнему отказывался служить мне, выдавая вместо нормальных звуков какое-то шипение.

– Ты спишь уже двое суток, – верно истолковала мой вопрос служанка. Помолчала немного и с явным осуждением произнесла: – Ты хоть понимаешь, что едва не замерзла насмерть? Нельзя же так!

Я не слушала ее. Дыхание перехватило от ужаса, когда я услышала, как долго проспала. Двое суток! Это же катастрофа! Получается...

– Мой брат... – прошептала я, и первая слезинка прочертила влажную дорожку по моей щеке, сорвавшись с ресницы.

– Да все в порядке с твоим братом. – Женщина вдруг рассмеялась и ободряюще потрепала меня по плечу. – Ты металась в бреду и все порывалась отправиться домой за братом. Бормотала что-то о Вечном страннике и печной задвижке. Не беспокойся, господин Гарольд позаботился о нем. Правда, ему пришлось знатно постараться. Страшно представить, сколько энергии он потратил! Потом сутки отсыпался. Сам только недавно встал.

– Хеда... – вдруг услышала я робкий голос от двери.

Повернула голову и увидела Дирка. Он стоял в просторной рубахе, доходившей ему до колен, бледный и такой исхудавший, что казалось, будто ключицы вот-вот прорвут кожу.

– Хеда, – повторил он и внезапно ринулся ко мне. Залез с ногами на кровать и изо всех сил прижался ко мне.

Я обняла брата, чуть слышно всхлипнув. Правда, теперь я плакала от счастья. Какую бы цену ни запросил за спасение Дирка виер Гарольд – я все сделаю! Даже продам душу богу-пасынку.

– Как это мило, – пробормотала служанка и встала, с улыбкой наблюдая за нами.

– Душераздирающая картина, – согласился с ней хриловатый мужской голос.

Я вздрогнула от неожиданности и еще сильнее прижала к себе Дирка, словно опасалась, что в любой момент его могут отнять у меня. Затем посмотрела на нового визитера.

Теперь на пороге стоял сам господин некромант. Должно быть, он недавно встал с кровати, поскольку кутался в роскошный парчовый халат, а его встрепанные темные волосы еще нуждались в расческе.

– Я сам сейчас расплачусь от умиления, – проговорил виер с нескрываемым сарказмом. – Брат и сестра счастливо избежали встречи с Вечным странником. А все благодаря мне! Поражаюсь собственному благородству и милосердию.

Я украдкой поежилась. Как-то странно прозвучала последняя фраза. Словно виер Гарольд ставил мне в укор все произошедшее.

– Когда намилуешься с братом, жду тебя в своем кабинете, – холодно сказал некромант, продолжая с искренним интересом меня разглядывать. – Там обсудим, как и чем ты мне заплатишь за мои старания.

После чего развернулся с явным намерением уйти. Но вдруг замешкался и неохотно обронил, обращаясь к служанке, которая еще была в комнате:

– И, Найра, накорми их, что ли. Что один, что вторая – одни мослы торчат.

* * *

Стоило заметить, Найра хорошо знала свои обязанности. Она не только от души накормила меня и Дирка горячим сытным завтраком, а скорее – обедом, поскольку день уже перевалил за полдень, но и нагрела на кухонной плите несколько ведер воды. Не передать словами, с каким наслаждением я вымыла волосы, а затем долго терла тело мочалкой. Эх, а ведь когда-то я принимала ванны каждый день, благо, что в нашем доме было установлено специальное огненное заклинание, позволяющее иметь столько горячей воды, сколько душа пожелает.

Потом я искупала Дирка, в очередной раз ужаснувшись тому, как сильно он исхудал за время болезни. Огненная лихорадка словно выпила из него все соки, оставив одни кости, туго обтянутые кожей.

Найра даже притащила нам откуда-то одежду. Правда, что штаны, что рубаша оказались слишком велики для Дирка. Брюки пришлось подвязать под мышками, а рукава закатать более чем наполовину. Зато платье, которое служанка приготовила для меня, было впору. Темно-синее, шерстяное, оно село точно по фигуре, выгодно подчеркнув цвет моих глаз.

– Красавица! – не удержавшись, восхищенно цокнула языком Найра. Но почти сразу смутилась и стыдливо отвела взгляд.

Я прекрасно понимала, что именно так взволновало служанку. По всей видимости, ее терзал вопрос, какую плату потребует с меня ее хозяин за помощь.

Удивительное дело, но я почему-то совершенно не тревожилась по этому поводу. Я заранее знала, на что иду, когда решила просить помощи у этого человека, обладающего вполне определенной репутацией. Пусть я не узнала условия сделки заранее – ну и что? Главное, что виер Гарольд спас моего брата. Даже если он потребует взамен мою жизнь, то я готова пойти на это.

– Я провожу тебя к господину Гарольду, – сухо проговорила Найра, упрямо не поднимая на меня глаз, словно стыдилась чего-то. – Полагаю, он уже заждался тебя.

– А я? – пискнул Дирк, который умудрился сразу после купания стащить откуда-то шоколадное печенье и перемазал себе все лицо.

– А тебя я сначала умою, а потом отправлю разбирать один занимательный сундук, – с нарочитой суровостью отозвалась Найра. – Помнится, именно туда я в свое время спрятала игрушки сына...

Служанка не завершила фразу. Приглушенно охнула и виновато покосилась на меня, будто испугалась, что сболтнула слишком много.

Я сделала вид, будто не заметила ее оговорки, хотя, что скрывать очевидное, мне было любопытно, о чем сыне упомянула служанка. Неужели у виера Гарольда есть ребенок? Странно, я никогда об этом не слышала.

– Пойдем! – Найра грубовато дернула меня за рукав, тем самым оборвав мои мысленные рассуждения.

Я глубоко вздохнула. Ну что же, пришло время платить по счетам. Посмотрим, что потребует за свою помощь господин некромант.

* * *

Кабинет виера Гарольда располагался на втором этаже. Найра проводила меня до дверей, негромко стукнула, предупреждая о нашем появлении.

– Войдите, – через некоторое время раздалось из комнаты.

Служанка подтолкнула меня в спину, а сама поспешила к лестнице, торопясь вернуться к Дирку, которого оставила в гостинной.

Я провела потными от волнения ладонями по подолу платья, разглаживая несуществующие складки. Поправила волосы, еще влажные после мытья и потому не убранные в косу. И осторожно тронула дверную ручку.

В комнате было сумрачно. За окнами опять повисла белая снежная пелена ненастья, поэтому казалось, будто уже наступил вечер, хотя время не так давно перевалило за полдень. На стенах играли веселые оранжевые отблески разожженного камина.

При виде ласкового огня я не удержалась от завистливого вздоха, вспомнив, как считала каждое полено, которое кидала в прожорливую печушку. Да, господин некромант, по всей видимости, понятия не имеет, каково это: не иметь и медного гроша на вязанку дров.

Сам виер сидел в кресле за рабочим столом, заваленным всевозможными свитками и книгами. За его плечом дрожала в воздухе магическая искорка, дающая достаточно света для чтения.

При виде меня некромант отложил в сторону толстый фолиант, расслабленно откинулся на спинку кресла и сложил перед собой руки, переплетя пальцы.

– Закрой дверь, – попросил он, заметив, что я в нерешительности замерла около порога, все еще держась за дверную ручку, словно в любой момент готовая рвануть прочь.

Я выполнила его распоряжение и почти не удивилась, когда услышала мягкий щелчок замка, а на двери вспыхнул и тут же погас отблеск чужого заклинания.

– На всякий случай, – пояснил мне Гарольд, когда я повернулась к нему с выражением немного вопроса на лице. – Чтобы нас никто не потревожил.

Я кивнула, показав, что поняла его. Спрятала за спину руки, не желая, чтобы некромант увидел их предательскую дрожь.

Гарольд заметил это. По его губам скользнула и тут же пропала язвительная усмешка.

Сейчас, при свете хмурого, ненастного дня, я получила возможность разглядеть его внешность. К моему удивлению, господин некромант оказался моложе, чем я представляла себе. Наверное, ему не исполнилось и тридцати. В темных густых волосах – ни единой серебристой ниточки седины. Глаза такого насыщенного карего цвета, что на расстоянии кажутся черными. Скулы остры, а линия подбородка упряма, что указывает на непростой, тяжелый характер.

Был ли господин некромант красив? Сложно сказать. В общепринятом смысле слова – нет. Слишком худощав, слишком долговяз, словно весь состоит из одних углов. Но я не сомневалась, что поклонниц у него хватает. Было что-то в его внешности безусловно притягательное и в то же время отталкивающее. Женщины любят мужчин, которые заставляют их страдать. Каждой кажется, что уж с ней-то плохой мальчик перевоспитается и станет милым и добрым малым. Зря. Как любила говаривать моя мать, передавая мне накопленную житейскую мудрость: нельзя переделать взрослого человека. Воспитывать можно ребенка, но никак не состоявшуюся личность. Лучше не тратить на это время, а найти такого человека, чьи привычки и образ жизни тебя полностью устроят.

Впрочем, я немного отвлеклась. Итак, господин некромант в свою очередь окинул меня откровенно изучающим взглядом и негромко сказал:

– Милейшая, хватит жаться у порога. Подойди ближе. И не бойся, не укушу я тебя. – Помолчал немного и добавил с усмешкой: – По крайней мере, сразу.

Я сделала шаг, еще один. Затем остановилась и угрюмо уставилась в пол, опасаясь даже на миг поднять глаза на некроманта.

В комнате повисло долгое молчание, нарушаемое лишь треском поленьев в жарко растопленном камине.

– Как тебя зовут? – наконец прервал паузу Гарольд.

– Хедаша, – неохотно проговорила я. Помолчала немного и вдруг неожиданно для себя добавила: – Хедаша Артъян.

– Артъян? – Я по-прежнему не смотрела на Гарольда, но в его голосе прозвучало неприкрытое удивление. Он явно узнал мою фамилию. И, если честно, легче мне от этого не стало.

И еще одна долгая напряженная пауза из числа тех, которые так и хочется прервать отчаянным криком.

– Твой отец, стало быть, Грегс Артъян, – скорее утвердительно, чем вопросительно протянул Гарольд. Помолчал немного и дополнил: – Граф Грегс Артъян.

Я кивнула. Сказать я все равно ничего не могла – горло перехватил болезненный спазм волнения и стыда. Кто бы мог предположить еще год назад, что я, дочь графа, буду вынуждена побираться, словно последняя нищенка!

Гарольд изумленно хмыкнул. Затем я услышала характерный звук, с которым открывается бутылка вина. Осмелилась бросить на него быстрый взгляд и увидела, что он достал два бокала и сейчас разливает в них кроваво-красную жидкость.

– Выпей! – почти приказал он и придвинул один из бокалов к краю стола.

Я послушалась. Сделала осторожный глоток, и губы обжег неожиданно крепкий пряный напиток.

Гарольд между тем встал и отошел к окну, грея в ладонях свой бокал. Надолго замер, глядя, как за стеклом мечутся в танце снежинки.

– Я знал твою мать, – вдруг проговорил он. – Пересекались пару раз на приемах, но, увы, официально мы не были друг другу представлены. Ардали Артъян. Поразительно красивая женщина! Была...

Последнее слово резануло меня, словно удар хлыста. Пальцы затряслись так сильно, что я едва не расплескала вино. На глаза опять навернулись слезы.

– Как я слышал, твои родители покончили с собой, – жестокосердно продолжил расспросы Гарольд, словно не понимая, а скорее – не желая понимать, какую боль мне приносит эта тема. – Почему?

– Отец был обвинен в государственной измене, – глухо ответила я. – Вроде как обстоятельства его вины были неоспоримы. Его должны были арестовать и повесить. Но следователь, ведущий это дело... – На этом месте мой голос задрожал и едва не сорвался. Я помолчала пару секунд, потом с усилием продолжила: – В общем, отцу был предложен выбор. И он предпочел сам свести счеты с жизнью, лишь бы избежать судилища и последующей публичной казни. А мать, как верная и любящая супруга, последовала за ним. Наше имущество было конфисковано в пользу государства. А мы с братом лишились дворянства.

– И твои родители бросили своих детей на произвол судьбы? – Интересно, мне показалось, или в голосе Гарольда действительно прозвучало сочувствие? Впрочем, практически сразу в его тон вернулось нарочитое равнодушие: – Ведь они не могли не понимать, как тяжело вам придется.

Я пожала плечами. Сделала еще один крохотный глоток вина, после чего с усилием сказала:

– Они оставили нам с братом достаточно яда, чтобы при желании мы последовали за ними. Но я... Я оказалась слишком малодушной и не сумела...

В голосе опять прорезались рыдания, и я замолкла. Даже сейчас, после этих чудовищно тяжелых месяцев голода и холода, я не жалела, что не предложила чашу с ядом брату и не выпила ее сама.

– А они, стало быть, сумели, – с очень странной интонацией протянул Гарольд.

Я осмелилась бросить на него быстрый взгляд. Надо же, такое чувство, будто он в бешенстве! Глаза потемнели, желваками так и играет.

– Труссы, – с нескрываемым презрением бросил он в этот момент. – Бросили детей, а сами сбежали.

Я промолчала и уставилась в свой бокал. Я понимала, что не могу винить отца в его выборе. В конце концов, если бы он не покончил с собой, то все равно погиб бы, и его смерть оказалась бы гораздо менее приятной и более мучительной. Но мать... Нет, не хочу думать на этот счет! Просто не хочу – и все тут. В конце концов, все уже сделано и ничего исправить нельзя.

– И что было дальше? – спросил в этот момент Гарольд.

Я опять пожала плечами, не в силах облечь в слова весь тот кошмар, через который нам с Дирком пришлось пройти. Вся эта история приключилась в конце лета, когда ночи еще были достаточно теплыми, а земля щедро дарил плоды. И я всерьез думала, что мы как-нибудь выкрутимся. В конце концов, у меня был жених...

– Сколько тебе лет? – поинтересовался Гарольд, видимо, подумав о том же. – Восемнадцать? Наверняка к тому моменту ты была уже помолвлена.

– Была, – неохотно подтвердила я, вспомнив милого паренька-соседа. Его неизменный румянец, когда он преподносил мне букеты скромных полевых цветов. Стихи, которые он сочинял для меня и про меня. Не слишком складные, но по-своему трогательные. Его робкие поцелуи в щеку. Если честно, я не млела в его объятиях и сердце не замирало от его прикосновений. Но я понимала, что вполне смогу прожить с ним всю жизнь: спокойную и без особых потрясений. Рожу детей и найду свое счастье в них. Так все жили в моем окружении. А еще я помню его мать – высокую, холеную женщину. До сих пор в ушах стоит ее резкий визгливый голос.

«Милочка, ну вы же понимаете, что теперь не может быть никакой речи о вашей свадьбе, – выговаривала она в нашу последнюю встречу. – Мне, конечно, очень жаль, что так все вышло с вашими родителями, однако согласитесь: они сами виноваты. Государственная измена – это... Это просто в голове не укладывается! Кстати, помолвочное кольцо можете оставить себе. Все равно на нем гравировка, если продавать, то только перекупщикам».

Сигурда, моего так называемого жениха, я тогда так и не увидела. Он предпочел спрятаться, лишь бы избежать столь непростого объяснения. Но я его в этом не винила. Эта семья была не первой и, увы, не последней, которая поспешила заявить о публичном осуждении поступка моего отца. Слишком страшило окружающих угодить под тень подозрения – а не причастны ли они к тому же?

Но я была благодарна виере Треоне за то, что она не стала отбирать кольцо, хотя имела на это полное право. Продав его, я и приобрела ту жалкую лачугу, которая стала нашим прибежищем зимой.

– Полагаю, твой жених поторопился ретироваться, когда узнал, что его будущая жена – дочь государственного преступника, – прозорливо проговорил Гарольд, без проблем угадав окончание той помолвки.

Я кивнула, подтвердив его слова. Да, все так.

– Люди... – протянул Гарольд с плохо скрытым пренебрежением. – Такие предсказуемые в своих страхах. Так любящие предавать и так беспокоящиеся о собственном благополучии.

Я тоскливо посмотрела в окно, за которым бушевала метель. Здесь, за толстыми надежными стенами, совершенно не чувствовалось, какая непогода обрушилась на Хельон. А в своей

лачуге я бы сейчас дрожала от страха и холода, гадая, не сдует ли очередной порыв ветра наше жалкое жилище.

– Я спас твоего брата от верной гибели, – без предупреждения переменял тему разговора Гарольд, наконец-то прекратив расспрашивать о моем несчастливом прошлом. Хмыкнул и с нажимом добавил: – Более того, я спас тебя. Ты едва не замерзла у ворот.

– Я в курсе, – тихо прошелестела я. Кашлянула и продолжила чуть громче: – Я пришла к вам за помощью. Прочие целители отказались...

Я закусила губу, вновь окунувшись в то черное отчаяние, которое владело мною всего несколько дней назад. Отказы, одни отказы. Некоторые даже не пускали меня на порог, другие смеялись в лицо и говорили, что я заслужила это. Мол, боги наказывают меня за грехи родителей.

– Полагаю, абсолютное большинство из них и не смогло бы тебе помочь, – со злой насмешкой и пренебрежением произнес Гарольд. – Знаю я местных целителей. Только бессоницу да прыщи лечить умеют. А огненная лихорадка – совсем другое дело. Тут травками да молитвами не обойдешься. Чтобы вылечить этот недуг, нужна магия действительно высокого порядка.

– Вы оставались моей последней надеждой, – сделала я слабую попытку польстить ему. – Кому, как не великому некроманту, под силу отогнать Вечного странника от порога дома?

– Великому некроманту? – с усмешкой переспросил Гарольд и одним глотком допил вино, еще плескавшееся в его бокале.

Я тоже вспомнила о своем бокале и поспешила последовать его примеру. Говорят, алкоголь помогает, если предстоит разделить постель с нелюбимым человеком. Возможно, мне повезет напиться до бесчувствия, и я не запомню, как все будет происходить. И я с жадностью посмотрела на бутылку, оставленную некромантом на столе.

– Еще? – без особых проблем расшифровал он мой взгляд.

Не дожидаясь ответа, прищелкнул пальцами. Тотчас же бутылка сама взмыла в воздух и подлетела ко мне, после чего мой бокал вновь оказался наполнен. При этом ни одной капли вина не пролилось мимо.

Я опустила голову, пряча даже не улыбку – намек на нее в тени распушенных и выющихся после купания волос. Виер Гарольд явно любит бахвалиться своим магическим даром и считает себя настоящим мастером. Хотел произвести на меня впечатление простеньким трюком. Будь на моем месте какая-нибудь крестьянка – это бы, безусловно, сработало. Но ведь мой отец был графом, а следовательно, у нас дома частенько устраивались всевозможные приемы, на которые не гнушались заглядывать господа маги. Недаром они считаются сливками хельонского общества.

Но, естественно, я не позволила и тени этих мыслей отразиться на моем лице.

– Спасибо, – поблагодарила его я и тут же вновь поднесла бокал к губам.

– Это последнее для тебя на сегодня, – предупредил меня Гарольд, который продолжал с искренним интересом за мной наблюдать. – Знаешь ли, не люблю пьяных девиц. Особенно в постели.

После последней фразы он подался вперед и впился жадным взглядом мне в лицо, явно ожидая, как я отреагирую на его откровенность.

Мне стоило больших трудов не покраснеть. Но внутренне я уже смирилась с тем, какую плату мне придется принести за жизнь брата. Пусть будет так.

– Как будет вам угодно, господин, – ровно отозвалась я, сделала шаг вперед и поставила бокал на краешек стола, почти не пригубив его, после чего тут же вернулась на прежнее место.

– И тебя ничего не смущает в моем предложении? – В голосе Гарольда прозвучало изумление.

– Я догадывалась о том, что вы потребуете в обмен на свою помощь, – с прежним нарочитым безразличием ответила я. – Все равно мне больше нечем заплатить. Только своим телом. Но вы спасли моего брата. Вы спасли меня. Вы вправе получить то, что сочтете нужным.

– И часто за последние полгода ты расплачивалась собою?

Я удивленно подняла на Гарольда глаза. В его тоне вдруг прорезалось раздражение. Что это с ним? Он злится? Но почему?

Я могла бы ему сказать, что он будет первым у меня. Но не стала. А то еще решит, будто я пытаюсь разжалобить его. Поэтому лишь неопределенно пожала плечами и опять опустила взгляд, уставившись на ковер под ногами.

– Ну что же. – Гарольд наконец-то отлепился от подоконника. Обошел письменный стол и остановился передо мной, после чего резко скомандовал: – Раздевайся!

Я вздрогнула, словно от пощечины. Надо же, не ожидала, что он начнет так действовать. Что скрывать очевидное, в глубине души я все-таки надеялась, что господин некромант расщедрится на ласку.

Но руки уже потянулись к завязкам на платье. Мгновение, другое – и оно упало к моим ногам.

В кабинете было тепло, даже жарко, однако я почувствовала, как покрылась мурашками. Сложнее всего было стоять смиренно, не делая глупых и смешных попыток прикрыть свою наготу.

Гарольд между тем медленно обошел меня кругом. Остановился позади, и я ощутила, как он провел пальцами по моей шее, убирая пушистую волну волос с плеч на спину. Постоял так немного, затем его тяжелая ладонь легла на мой живот.

Я чуть слышно ахнула. На какой-то миг его пальцы стали невыносимо горячими. Но почти сразу он убрал руку.

– Шутница, – пробормотал Гарольд, и я почувствовала его теплое дыхание на своем ухе. – Ну и зачем скрывать, что ты девственница?

– Я не скрывала, – смущенно пробормотала я, почему-то решив извиниться, как будто была виновата в чем-то.

– Ты просто не ответила на мой вопрос. – Гарольд недовольно хмыкнул. Затем взял меня за плечи и резко развернул лицом к себе.

Я поспешно опустила голову, не желая встречаться с ним взглядом, но он мягко прикоснулся к моему подбородку, и я с обреченным вздохом подняла к нему лицо.

– Ты в самом деле готова заплатить телом? – негромко спросил он.

Губы предательски затряслись. Ну что он мучает меня? Сначала заставил рассказать о семье, а теперь еще вынуждает вслух признаться в том, как низко я пала. Я, дочь графа, потомственная дворянка!

– А как вы думаете, почему я пришла именно к вам? – Мой голос впервые с начала этого разговора зазвенел от гнева, хотя прежде я поклялась себе не выказывать никаких эмоций, чтобы не распалить ненароком некроманта. Мужчины не любят, когда им дерзят.

Спохватившись, я тут же замолчала. Нет, не стоит выходить из себя, Хеда. Пусть он делает со мной все, что пожелает. А я буду представлять, будто все это происходит не со мной.

– Неужели у меня настолько дурная репутация в Хельоне? – шутливо удивился Гарольд, верно интерпретировав вопрос, вырвавшийся у меня от досады.

– Вы известный любитель женщин, – хмуро ответила я. – Остальные целители соглашались помочь мне лишь за деньги. Я готова была стать служанкой, работать за еду, пока не выплачу долг за лечение брата. Но это никому не было нужно. А вы...

Я пугливо не завершила фразу. Кто знает, вдруг виер Гарольд сочтет мои слова за личное оскорбление и поторопится отыграться на той, кто все равно не сможет дать ему отпор.

Глаза Гарольда потемнели, правда, я никак не могла разобрать, от какого именно чувства. Несколько секунд он стоял молча, а потом вдруг искренне, от души расхохотался.

Я в очередной раз поежилась. Ну и чего он так веселится, спрашивается? А еще мне было очень неуютно стоять посредине комнаты обнаженной. Это заставляло чувствовать себя какой-то мелкой, незначительной букашкой, не человеком даже, а так, некоей вещью, предметом обстановки, у которого, по определению, не может быть никакого чувства собственного достоинства.

– А ты молодец! – вдруг похвалил меня Гарольд, прекратив смеяться так же резко, как и начал.

Я озадаченно молчала, не понимая, чем вызвана неожиданная похвала.

– После твоих слов я должен, по всей видимости, устыдиться и приказать тебе одеться, – продолжил Гарольд. – Оказывается, очень неприятно слышать, что в обществе обо мне ходят настолько неприятные слухи. Можно сказать, я себя ощутил мерзким, отвратительным насильником, готовым ради удовлетворения своей похоти на любую выходку.

– Простите, если обидела вас, – поторопилась я на всякий случай извиниться, хотя не понимала, почему Гарольд сделал такой вывод из моих слов.

– Наверное, мне надлежит гневно воскликнуть: нет, я не такой! – Гарольд укоризненно покачал головой. – Хорошая попытка избежать оплаты моей работы.

Естественно, я ничего не ответила ему, поскольку ощутила в его тоне раздражение. Не понимаю, почему его так задели мои слова? Я ведь сказала чистую правду!

Гарольд все еще улыбался, хотя его взгляд заметно похолодел. Он легонько, едва касаясь кончиками пальцев, провел по моему лицу, обрисовав абрис скул и подбородка. Дотронулся до моих губ и прошептал:

– И все-таки я возьму свое. Тебе понравится, обещаю.

Я обреченно закрыла глаза, когда он потянулся ко мне с явным намерением поцеловать. Его губы были теплыми, мягкими и очень нежными, но я считала секунды, когда это закончится.

По всей видимости, Гарольд почувствовал мою холодность и внутреннюю отчужденность. Поцелуй не продлился долго. Почти сразу он отстранился и недовольно хмыкнул себе под нос.

– И все же чем тяжелее задача – тем радостней результат, – пробормотал он и легко, без малейшего усилия подхватил меня на руки.

Как оказалось, спальня господина некроманта была смежной с его кабинетом. Чтобы попасть туда, Гарольду не пришлось выходить в общий коридор. Вместо этого он воспользовался неприметной дверью, расположенной между двумя книжными шкафами.

Практически все свободное пространство в этой комнате, небольшой по сравнению с тем же кабинетом, занимала кровать, застеленная мягчайшим покрывалом. Помимо столь внушительного предмета обстановки, сюда поместился лишь крошечный столик, втиснутый около окна. А еще здесь тоже был камин, и в нем тоже тлели багрово-черные угли, доказывая, что совсем недавно он топился.

Непозволительная роскошь для меня! И я грустно улыбнулась, вспомнив, что и в доме моих родителей камин был в каждой комнате, и это тогда не казалось мне чем-то чрезмерным.

Гарольд между тем осторожно опустил меня на кровать. Прищелкнул пальцами – и тяжелые бархатные гардины на окнах сами собой задвинулись, отчего сумрак в комнате сгустился, будто настала ночь. Правда, почти сразу над кроватью взмыл крошечный магический огонек.

Как ни странно, но это позволило мне немного расслабиться. В наступившей темноте нагота уже не заставляла меня чувствовать себя такой уязвимой и незащищенной.

Гарольд сел подле меня. Расслабленно оперся локтем на подушку и медленно, явно намереваясь растянуть удовольствие, обвел указательным пальцем мою левую грудь, пощекотал сосок, отчего тот немедленно напрягся.

Я со свистом втянула воздух через плотно сжатые зубы. До боли, до побелевших костяшек сжала кулаки, сдерживая желание свернуться, нырнуть под одеяло, лишь бы спрятаться от глаз некроманта.

– Ты словно натянутая до предела тетива, – задумчиво пробормотал Гарольд, от внимания которого вряд ли укрылось то, как отчаянно я страдаю от невозможности прервать столь унижительную сцену. Затем добавил с усмешкой: – Не бойся, я ведь не укушу тебя. Если ты немного расслабишься, то получишь свою порцию удовольствия. Право слово, меня совершенно не прельщает идея взять тебя силой. Понятия не имею, какие гадости ты обо мне слышала, но есть некоторые пределы, за которые я не выходил.

– Простите, господин, – едва слышно прошелестела я. – Я... я просто не могу, не знаю, как и что мне делать...

– Да, с девственницами всегда хватает проблем, – пробурчал Гарольд. Неожиданно встал и чуть ли не бегом покинул из спальню.

Я с нескрываемым облегчением перевела дыхание и позволила себе разжать кулаки. Неужели в душе господина некроманта заговорили совесть и милосердие?

Увы, моя радость оказалась преждевременной. Едва я успела сесть и потянуться за покрывалом, желая обернуть его вокруг себя, как некромант вернулся. В руках он нес высокий хрустальный бокал, доверху наполненный изумрудно-зеленой жидкостью.

– На, выпей! – приказал он и чуть ли не насильно втиснул мне бокал в руку.

Я с подозрением принялась к напитку. Пахла жидкость приятно – мятой и чем-то пряно-горьким.

– Что это? – полюбопытствовала я, не торопясь выполнить распоряжение некроманта. Мало ли, вдруг он меня отравить решил, досадуя, что я немедленно не вспылала к нему страстью.

– Это поможет тебе, – проговорил Гарольд и как-то странно усмехнулся.

– Вы же сказали, что не любите пьяных девиц в постели, – напомнила я.

Говоря откровенно, я совершенно не желала пить не пойми что для того, чтобы угодить некроманту.

– А ты и не опьянеешь, – возразил Гарольд, и его улыбка стала еще шире. – Напротив, останешься в трезвом уме и твердой памяти. Будешь все прекрасно соображать. Но это средство позволит тебе раскрепоститься. Ты перестанешь быть настолько зажатой и тоже получишь удовольствие.

Я скептически поморщилась. Ни одна из причин, приведенных некромантом, не казалась мне достаточно убедительной для того, чтобы выпить сию жидкость. Ишь ты, какой господин привередливый. Ему захотелось не только наслаждение получить, но и муки совести заглушить. Мол, вот какой я хороший, и про удовольствие для девушки не забыл. Как будто это отменит тот факт, что, по большому счету, я пошла на все это лишь от безысходности.

– Выпей, – с нажимом повторил Гарольд, заметив мои сомнения. – Так будет лучше для нас обоих.

Я тяжело вздохнула, но все-таки пригубила бокал.

Загадочный напиток веселыми пузырьками ударил мне в нос, оставив на губах мятную сладость. Глоток, еще один – и я поставила опустевший бокал на столик рядом с кроватью.

– Отлично. – Гарольд воссиял самой радостной из всех возможных улыбок и опять опустился на кровать. Напряженно уставился на меня, видимо, в ожидании, когда его средство подействует.

Я беспокойно заерзала под его испытующим взором. Кстати, все это длилось так долго, что я успела примириться с наготой и больше не стеснялась ее. Ну, точнее, я по-прежнему хотела прикрыться, но в чем-то ситуация начала меня даже смешить. Интересно, сколько еще мне придется демонстрировать господину некроманту все свои прелести?

Затем я тоже позволила себе быстрый оценивающий взгляд в его сторону. Виер Гарольд все так же щеголял в роскошном парчовом халате, даже не подумав переменить его на что-то более пристойное. Интересно, надел ли господин некромант этим утром под него нижнее белье или предпочел обойтись без него?

Признаюсь честно, до сегодняшнего дня я еще ни разу не видела голого мужчину. Ну, то есть я понимала, каким конкретно органом они отличаются от женщин, поскольку частенько помогала матери купать Дирка. Но я понятия не имела, как все обстоит у взрослых.

Мысленно я сняла с Гарольда халат, пытаясь оценить его фигуру. Худощав, жилист. Судя по тому, с какой легкостью он поднял меня на руки, недостатком силы не страдает.

– Что-то долго не действует снадобье, – в этот момент недовольно проговорил Гарольд, который вряд ли догадывался, какие мысли по его поводу в этот момент блуждают в моей голове.

– А что именно я должна сделать или почувствовать? – полюбопытствовала я. – Наброситься на вас с поцелуями и жаркими объятиями?

– Ну, было бы неплохо. – Гарольд важно кивнул. В свою очередь поинтересовался, не отводя от меня блестящих глаз: – А ты ничего странного не ощущаешь?

Я неопределенно пожала плечами. Да вроде бы нет. Правда, куда-то исчезли страх и растерянность. Напротив, меня сейчас начала даже забавлять эта ситуация, хотя умом я понимала, что веселого мало. Но то и дело я ловила себя на том, что начинаю улыбаться. Интересно, а что будет, если я действительно кинусь на шею некроманту, умоляя сделать меня своей верной наложницей?

Судя по всему, мое неожиданное веселье не прошло мимо внимания некроманта. Он озадаченно сдвинул брови и спросил:

– Почему ты улыбаешься? Я сделал или сказал что-то смешное?

– Пока нет, – честно призналась я. Подумала немного и почему-то лягнула: – Просто я представила вас голым.

– И что в этом забавного? – напряженно переспросил Гарольд.

Судя по тому, как он выпрямился и мгновенно стал серьезным, ему явно не понравилось мое откровение.

– Да так. – Я не выдержала и негромко захихикала, добавив: – По-моему, все голые люди – смешные.

– Не сказал бы, – не согласился со мной некромант и кинул поистине плотоядный взгляд на мою грудь. Помолчал немного и вдруг предложил: – А давай попробуем еще раз! По-моему, снадобье начинает действовать.

Тут я не выдержала и захохотала в голос, откинувшись на подушки. Просто очень смешно прозвучала надежда в голосе Гарольда.

Некромант мгновенно насупил, встал и грозно скрестил на груди руки.

Наверное, мне надлежало испугаться и попросить прощения, но вместо этого я рассмеялась пуще прежнего. Ой, не могу! Словно строгий учитель, который собирается отчитать ученика, не выучившего урок.

– Про... простите, – наконец изнеможенно выдавила я, кулаком вытирая слезы. – Это, наверное, нервное.

– Скорее, один не очень хороший человек подsunул мне вместо возбуждающего средства эликсир смеха, – хмуро проговорил некромант. Взял со столика бокал, с подозрением прихотался и укоризненно покачал головой: – Эх, Веймар! Все-таки решил отомстить мне за ту

шутку. Подумаешь, опоил твою даму сонным зельем, и она отрубилась в тот самый момент, когда у вас процесс был в самом разгаре.

Я опять прыснула со смеха, представив это зрелище. Наверное, неизвестному мне Веймару было очень обидно, когда его дама задремала в его страстных объятиях. А если она к тому же начала храпеть...

И я опять расхохоталась.

– Ну все, хватит! – рявкнул Гарольд, явно обидевшись на мой никак не унимающийся смех.

Я была бы и рада остановиться, но это оказалось выше моих сил. Поэтому я закрыла лицо ладонями, давась и самым неприличным образом похрюкивая.

Понятия не имею, что в это время делал господин некромант. Наверное, просто стоял и смотрел на меня, укоризненно качая головой. Но, с другой стороны, сам виноват. Не надо было поить меня всякими загадочными зельями.

– Думаю, так будет лучше, – вдруг проговорил Гарольд и прищелкнул пальцами.

Смех, который так и бился в моей груди, сам собою затих. Я медленно отняла руки от лица и удивленно посмотрела на некроманта.

Тот довольно улыбался, а на кончиках его пальцев догорали искорки какого-то заклинания. Кстати, несколько огоньков плясали и на моей коже, видимо, это заклятье было призвано отрезвить меня и избавить от действия эликсира.

– Простите, – пробормотала я.

– Да ничего страшного. – Гарольд осторожно присел на кровать подле меня и с тяжким вздохом признался: – Сам сплоховал.

Я опять от смущения не знала, куда деваться. В голове перепуганной птицей билась лишь одна мысль: сейчас, все произойдет именно сейчас! Богиня-мать, что же он так медлит? Сделал бы свое дело – и отпустил меня восвояси!

– А что ты намерена делать после того, как расплатишься за мою помощь? – внезапно спросил Гарольд.

– Вернусь с Дирком к себе. – Я пожала плечами, удивленная, что надлежит объяснять столь очевидные вещи.

– Февраль – самый морозный и вьюжный месяц в Хельоне, – задумчиво проговорил Гарольд, ни к кому, в сущности, не обращаясь. Кинул быстрый взгляд на окно.

Из-за задвинутых плотных гардин я не видела, что творилось на улице, но то и дело слышала печальный тонкий свист ветра. Видимо, метель набирала силу.

Я подумала, как сейчас, должно быть, холодно в нашей лачуге, и невольно передернула плечами. Гарольд прав. Февраль только начался, как его пережить, когда нет ни дров, ни еды? А ведь Дирку надо хорошо питаться, чтобы набраться сил после столь тяжелой болезни. Можно сказать, он уже побывал на грани миров и лишь чудом не ушел от меня к престолу богов.

– Твоему брату нужно мясо, фрукты, – вкрадчиво продолжил Гарольд, словно обладал умением заглядывать в мои мысли. – Глянешь на него – ужаснешься. Одни кожа да кости. Да и тебе досталось.

– Что вы от меня хотите? – пожалуй, даже слишком резко перебила его я. – Господин Гарольд, я и без того прекрасно понимаю, как непросто нам с братом придется. Да, февраль только начался, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы мы с братом пережили зиму!

– Сделаешь все от тебя зависящее? – переспросил Гарольд с какой-то странной усмешкой и провел тыльной стороной ладони по моей щеке, убирая растрепавшиеся волосы назад.

Я почувствовала, как мои щеки вновь начинают полыхать от смущения. Как-то разом я вспомнила, что на мне нет одежды и, вообще-то, я нахожусь в этой комнате с весьма определенной целью.

– Если честно, мне не по себе от мысли, что тебе придется вернуться в ту жуткую халупу, – вкрадчиво продолжил некромант. – Я ведь был там, когда забирал твоего брата. Жильем это можно назвать с большой натяжкой. Даже у собак конура бывает теплее и просторнее.

И опять я промолчала. Просто не знала, что можно сказать в ответ. Да, все так. Дочь графа живет как последняя нищенка. Иногда я думаю, что, возможно, мои родители были правы и смерть представлялась им наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Но потом я вспоминаю, что должна была, по их задумке, собственными руками убить брата, и начинаю стыдиться собственного малодушия.

Гарольд смотрел на меня, внимательно и почти не мигая, и я поняла, что он ждет от меня какой-нибудь реакции на его слова. Но что я могла сказать? Или он рассчитывает, что я бухнусь перед ним на колени, умоляя не выгонять нас с братом на мороз, как нашкодивших щенков?

– Стоило ли мне спасать тебя и Дирка, если через неделю твой брат подхватит воспаление легких, а ты отправишься в лес за валежником и замерзнешь насмерть? – чуть слышно спросил Гарольд и вновь провел ладонью по моей щеке. Затем опустил руку и словно невзначай очертил полукружие левой груди, тронул подушечкой большого пальца сосок.

– И что вы предлагаете? – хрипло поинтересовалась я, стараясь не обращать внимания на то, что делал сейчас некромант, который уже вычерчивал замысловатые знаки на моем животе.

– Сделку. – Гарольд нагнулся так близко ко мне, что почти прикоснулся своими губами к моим. Но это не было поцелуем. Нас все еще разделяло расстояние, пусть мизерное, но все же. И он продолжил: – До лета ты и твой брат будете жить у меня. Заодно понаблюдаю за ним, огненная лихорадка опасна тем, что порой наносит повторный удар через месяц-другой. Но тогда болезнь развивается настолько стремительно, что речь идет даже не о днях и часах, а о минутах. Поэтому будет лучше, если Дирк останется под моим присмотром. Естественно, куска хлеба я для него не пожалею. Как, впрочем, и для тебя.

– А взамен? – спросила я, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Взамен моя постель станет и твоей тоже. – Гарольд насмешливо хмыкнул. – Однако учти: мне не нравится заниматься любовью с особой, которая настолько успешно играет роль ледяной мраморной статуи. Словно бревно имеешь, прости за грубость. И уж тем более я не собираюсь брать тебя силой.

Мои уши запылали от того, с какой легкостью некромант говорил о столь интимных и сокровенных вещах. Бревно имеешь... Ну и выраженьице! И не скажешь даже, что передо мной дворянин.

– Поэтому, моя дорогая, прошу тебя выказывать чуть больше эмоций, когда я тебя обнимаю и целую, – продолжил Гарольд и легонько провел ладонью по моей обнаженной спине – от лопаток до поясницы, где целомудренно остановился. Затем добавил: – А если ты к тому же захочешь проявить инициативу – то я не буду против. Более того, обещаю, что моя благодарность не будет знать границ.

Я прикусила нижнюю губу. Ну что же, условия договора ясны и понятны. Стало быть, господину некроманту не нравится, когда ему демонстрируют холодность и равнодушие. Ему нужна хотя бы видимость ответных чувств от меня. А взамен он обещает кров, пропитание и защиту не только мне, но и Дирку.

Дирку! Я страдальчески сморщилась. Если бы речь шла только обо мне – то с каким удовольствием я бы залепила этому некроманту пощечину! Более того, даже близко не подошла бы к его дому. Лучше бы замерзла в своей лачуге, но не унизилась бы так сильно. Но брат... Я не могу обречь его на такую жуткую смерть. Если уж некогда я решила для нас обоих, что надо жить несмотря ни на что, то надо держать ответ за свой тогдашний выбор.

– Так как? – переспросил Гарольд, и его рука медленно, но верно двинулась вниз, поглаживая мои ягодицы.

Я обреченно вздохнула и кивнула, принимая предложенные правила игры. В самом деле, кого я обманываю? Я не хочу возвращаться в промерзшую, открытую всем ветрам конуру. Не хочу вымалывать черствые краюшки хлеба у равнодушных соседей. А если Дирк опять заболит? Я не смогу пройти через этот ужас во второй раз!

– Инициатива, Хедаша, – с улыбкой напомнил мне одно из условий сделки Гарольд.

И я первой преодолела разделяющее нас расстояние. Обвила его шею руками, прильнув к губам в старательном, но, увы, неумелом поцелуе.

Несколько секунд Гарольд сидел спокойно, не отвечая мне. На какой-то жуткий миг мне показалось, что он готов оттолкнуть меня. Вдруг это была какая-нибудь проверка, которую я с треском провалила? И сейчас он встанет и презрительно обронит, что я могу выметаться с братом из его дома на все четыре стороны...

Я похолодела от ужаса, воочию представив себе эту картину, но почти сразу Гарольд с силой притянул меня к себе. Запустил пальцы в мои волосы и на миг оторвался от моих губ, чтобы с насмешкой заявить:

– Ну, целоваться ты не умеешь. Однако это дело поправимое. Чувствую, что ученица из тебя выйдет старательная.

После чего прищелкнул пальцами, потушив магическую искорку, плавающую под потолком.

Я с нескрываемым облегчением встретила тьму, которая мгновенно сомкнулась над кроватью. Она помогала мне смириться с тем, что я обнажена. А если закрыть глаза и очень постараться, то можно даже представить, будто это мрак ласкает меня, а не почти незнакомый мужчина, с которым я вынуждена расплачиваться собственным телом.

Стоило признать, Гарольд все-таки сделал скидку на мою девственность и неопытность. Он не торопил события, лаская меня неспешно и очень вдумчиво. Стоило мне только напрячься, как он тут же замедлял свое наступление и отступал на время. Минуту или две просто гладил меня, осыпал быстрыми легкими поцелуями лицо и шею и терпеливо ожидал, когда я вновь расслаблюсь.

Наконец я почувствовала на себе тяжесть чужого тела. Его руки с неожиданной силой развели мои ноги, и я тихонько охнула, осознав, что все произойдет именно сейчас.

– Не бойся, – прошептал он мне на ухо, и его пальцы нырнули во влажное тепло между моих ног. – Я буду осторожен. Очень и очень осторожен.

Прошло, наверное, не меньше десяти минут, пока я не перестала судорожно упираться руками в его плечи, силясь оттолкнуть. И все это время он не делал ни малейшей попытки побороть мое смехотворное сопротивление и все-таки получить свое. Его пальцы продолжали ласкать меня в самом сокровенном месте, и я ощутила, как низ живота напрягся в сладостной истоме.

– Сейчас. – Глаза Гарольда вспыхнули собственным светом в полумраке спальни. И он резко вошел в меня.

Я не удержалась от приглушенного всхлипа. Даже не от боли, а от внезапности и неотвратимости произошедшего. Вот и все. Господин Гарольд только что сделал меня женщиной. И этого не изменить никакой магией.

По всей видимости, он услышал мой всхлип, потому что почти минуту не двигался, давая мне привыкнуть к новым ощущениям. И мне было даже страшно представить, каких трудов ему стоило это промедление.

А затем он начал двигаться. Сначала еще пытался сдержаться и делать это как можно медленнее и аккуратнее, но потом непроизвольно начал набирать темп, с силой вдавливая меня в подушки.

Я искусила себе все губы в кровь, силясь сдержать новые стоны. И если сначала мне было неприятно, то потом все болезненные ощущения растворились в новых ощущениях. Сладкая

истома набирала силу. И вдруг я вскрикнула в полный голос, почувствовав теплую пульсацию внутри себя. Удивительным образом это совпало с таким взрывом наслаждения, что тьма вокруг меня вдруг стала ослепительно-белой.

Стоило отдать Гарольду должное: сразу после этого он остановился и навис надо мной на вытянутых руках.

– Было больно? – обеспокоенно спросил он.

Я невольно поразились тому, как неестественно ярко сверкали его глаза в сумраке спальни. Интересно, а не обладает ли он ночным зрением? Маги любят улучшать себя при помощи всевозможных заклинаний. Тогда получается, что мрак особо не мешал ему.

– Нет, – смущенно ответила я. Неуверенно добавила: – Немного. В начале.

Убедившись, что все в порядке, Гарольд не стал тратить время на лишние расспросы. Он вновь вошел в меня и несколькими быстрыми резкими толчками завершил свое дело. Прерывисто вздохнул, в последний раз особенно глубоко войдя в меня.

Почти сразу некромант отстранился, и я ощутила, как по внутренней поверхности моих бедер неспешно стекает теплая жидкость.

В комнате повисла тишина. Мой язык словно прирос к небу. Я боялась брякнуть что-нибудь глупое. Да и вообще, я понятия не имела, что принято говорить после подобного.

Гарольд первым нарушил затянувшуюся паузу. Он привычным жестом прищелкнул пальцами, и над нами вновь заплясал крошечный магический огонек, чей тусклый свет отражался красными искорками в зрачках мужчины.

– Ну как? – спросил он, опираясь на подушку локтем и глядя на меня. – Ты в порядке?

Забавный вопрос. Я едва не рассмеялась в полный голос, но веселья при этом не ощущала. Боюсь, мой новый взрыв хохота закончился бы нервной истерикой. В порядке ли я? Наверное, можно сказать и так. Вот только моя жизнь уже никогда не станет прежней.

– Неужели все было настолько ужасно? – продолжил расспросы Гарольд, когда я торопливо отвернулась от него, пытаясь скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

Интересно, мне показалось, или его тон действительно прозвучал обеспокоенно? Неужели переживает, несчастный, что я не оценила его терпения и ласки?

– Нет, все было... прекрасно. – Как я ни старалась сохранить бесстрастность, но на последнем слове мой голос все-таки предательски дрогнул.

Наверное, мне повезло. Виер Гарольд действительно является отличным любовником. Полагаю, мало кто из молодых девушек, потерявших свою невинность в первую брачную ночь и с любимым человеком, сможет похвастаться, что пережили такой взрыв наслаждения, как только что я. Но это не отменяло того, что отныне я – всего-навсего содержанка. И это еще мягко сказано. Для девиц, зарабатывающих себе на жизнь собственным телом, в обществе бытуют другие, куда более обидные определения.

И еще одна долгая томительная пауза. Я лежала на боку, прижав ноги к животу и обхватив их руками, и опасалась кинуть даже взгляд на своего нового хозяина.

– Не переживай. – В следующий момент Гарольд на удивление мягко и нежно поцеловал меня в плечо. – Хеда, не ты первая, не ты последняя. Поверь, ты не пожалеешь о своем выборе.

Затем его пальцы скользнули по моему животу и ниже. Я негромко ахнула, когда кожу обожгло какое-то заклинание. И тотчас же в тепле растворилось то саднящее чувство неприятного жжения, которое досаждало мне после лишения девственности.

– Неужели ты думаешь, что я удовлетворюсь лишь одним разом? – с иронией спросил Гарольд, без лишних слов поняв причину моего удивленного вздоха. С силой развернул меня к себе лицом, небрежно обронив напоследок: – Нет, моя дорогая, ночь для тебя только началась.

Я покорно откинулась на подушки в ожидании продолжения, которое не замедлило последовать.

* * *

Тьма в комнате медленно серела, доказывая, что скоро рассветет. Я лежала на спине и слушала размеренное дыхание спящего рядом мужчины, одна рука которого по-хозяйски покоилась на моей груди.

Спала ли я этой ночью? И да, и нет. Тяжело назвать сном те мгновения, когда я проваливалась в небытие и тут же выныривала из него с тяжелой головой и ломотой в висках. Перед моим мысленным взором мелькали картины прошлого. Такие яркие, такие насыщенные, что их легко можно было перепутать с реальностью. А может быть, я просто вижу слишком затянувшийся кошмар? И на самом деле не было ничего этого: ни обвинения отца, ни самоубийства родителей, ни моих попыток выжить и не дать умереть брату... А самое главное: не было этой ночи, когда едва знакомый мужчина досконально изучил мое тело, а я стонала в его объятиях от удовольствия, щедро приправленного горьким вкусом отчаяния и невозможности отказать никакой фантазии.

И все-таки стоило признать очевидное: Гарольд даже не думал злоупотребить той властью, которую получил надо мной. Он действовал сегодня ночью, как мудрый и терпеливый супруг, получивший в жены неопытную перепуганную девчонку, которая еще вчера играла в куклы и не помышляла ни о каком замужестве.

На этом месте своих рассуждений я горько хмыкнула. Да, о свадьбе в моем случае речи и быть не может. Кто рискнет назвать своей избранницей ту, которая уже познала вкус и сладость чужих мужских ласк?

И опять я вспомнила того милого юношу, которого прочили мне в мужа. Нашу прогулку погожим летним вечером, быстрый и неожиданный даже не поцелуй, а звонкий чмок в губы, и то, как поспешно мы после этого разбежались в разные стороны, испугавшись содеянного. Ох, как ругала меня мать, когда узнала об этом! Как она выговаривала мне, что девушка прежде всего должна думать о своем добром имени. Представить страшно, какие слухи могут пойти обо мне по округе после столь отвратительного деяния! А если Сигурд после этого потеряет ко мне всяческий интерес, убедившись, как легко от меня получить поцелуй?

Как много неприятного и обидного высказала тогда мать, сколько обвинений она бросила в мою повинно склоненную голову! И целую ночь после этого я не спала, переживая свой страшный промах. Неужели отныне и навсегда я опозорена, и Сигурд больше не захочет знать меня, посчитав ветреной и легкодоступной особой?

Но на следующее утро Сигурд уже был на пороге нашего дома – с букетом цветов и помолвочным кольцом. А за спиной перепуганного предстоящим объяснением паренька маячила его мать, безуспешно пытающаяся скрыть довольную улыбку.

Стоит ли говорить, что уже через час помолвка была заключена. Если бы все шло своим чередом, то прошлой осенью я бы примерила белоснежный наряд невесты.

Я тихонько застонала от очередной картины прошлого. Слишком горько и больно мне было вспоминать, чего я лишилась.

Гарольд беспокойно заворочался, и я притихла, испугавшись, что разбужу его. Не открывая глаз, он притянул меня к себе, потерся носом о шею и опять расслабился, погружившись в глубокий спокойный сон.

Сумрак в комнате между тем неуклонно серел. Наступало новое утро моей жизни. Я негромко вздохнула. Ладно, хватит жалеть себя. Нужно искать выгоды в моей ситуации. Виер Гарольд – маг, и маг неплохой. Следовательно, в его доме имеется достаточно книг по колдовскому искусству. Полагаю, у меня будет достаточно времени и возможностей, чтобы ознакомиться с ними. Потому что я очень сомневалась, что мои родители добровольно расстались с

жизнью. И есть только один способ выяснить, так ли это. Вызвать их из мира духов и задать вопросы. Если окажется, что их убили, то я найду способ отомстить за их смерть.

* * *

Усталость все-таки взяла свое, и я задремала. Разбудило меня яркое солнце, заглядывающее в окно. Гарольд отодвинул гардины, и я увидела, что все утопает в мягком пушистом снегу.

Я потянулась, пытаюсь хотя бы примерно сообразить, который сейчас час. По всему выходило, что завтрак я проспала. Интересно, почему Гарольд не разбудил меня и не приказал выметаться из его комнаты? Впрочем, как я поняла прошлой ночью, некоторая сердечная теплота ему все-таки не чужда. Вспомнить хотя бы, как после всех утех он выгнал меня принять горячую ванну, а сам в это время самостоятельно переменил постельное белье, уничтожив тем самым все следы наших развлечений.

Подумав так, я принялась ощупывать себя руками, силясь понять, изменила ли меня проведенная с мужчиной ночь. Да нет, вроде бы все как обычно. Я чувствовала себя совсем как прежде. Правда, низ живота немного тянуло, но это было скорее приятное чувство.

Нежиться в тепле я могла бы еще долго, но никак не давал покоя вопрос, что с моим братом. Нет, я прекрасно понимала, что Дирка никто не выгонит на мороз и не оставит голодным. Но он наверняка волнуется за меня.

В этот момент в дверь негромко постучали и тут же, не дожидаясь моего позволения, открыли.

Я едва успела натянуть одеяло до самого подбородка, как увидела, что мой покой потревожил сам хозяин дома.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Гарольд. Покосился на окно и с улыбкой исправился: – Точнее, уже день.

Он не стал входить в комнату, остался на пороге, небрежно привалившись плечом к дверному косяку. Кстати, сегодня господин некромант уже не щеголял в халате, а переменил его на темные узкие штаны и черную рубашку, манжеты и ворот которой были оторочены серебряным шитьем.

– Доброе, – настороженно отозвалась я, борясь с невыносимым желанием нырнуть под одеяло с головой.

Понимаю, это прозвучит глупо, но мне почему-то было стыдно смотреть в глаза Гарольду. Сразу же вспоминалось все то, чем мы занимались прошедшей ночью. И я почувствовала, как мои щеки потеплели от этих мыслей.

– Твой брат меня совершенно замучил, – продолжил Гарольд. – По словам Найры, он встал сегодня чуть свет, а вчера не мог заснуть до полуночи. Все ждал тебя. Я пытался его успокоить, сказав, что ты сама только что перенесла тяжелую болезнь и нуждаешься в отдыхе. Но он своим нытьем и требованием отвести к тебе почти свел меня с ума. И почему-то постоянно рвался сюда, словно понимал, где тебя надлежит искать в первую очередь.

– Дирк! – испуганно ахнула я и порывистым движением вскочила с кровати. Правда, тут же села обратно, вспомнив, что не одета, после чего попыталась как можно непринужденнее завернуться в одеяло.

Глаза Гарольда весело вспыхнули при виде моего неуклюжего поступка. Он кашлянул, явно сдерживая смех, после чего мягко проговорил:

– Одевайся, Хеда. Найра принесет тебе платье. Благо, как оказалось, у тебя и...

На этом месте он замялся, почему-то не желая закончить фразу. Отвел глаза в сторону, и я с удивлением заметила, как на его скулах проступили два ярко-красных чахоточных пятна румянца. Что это с ним? Как будто он по неосторожности затронул какую-то тему, которая особенно болезненна для него. Но он же не сказал ничего особенного!

– В общем, с нарядами для тебя в этом доме проблем не будет, – с усилием завершил свою мысль Гарольд. После чего развернулся и чуть ли не бегом покинул комнату, оставив меня недоумевать от произошедшей сцены.

Однако мне не пришлось долго наслаждаться одиночеством. Почти сразу в спальню проскользнула Найра, которая на вытянутых руках несла платье.

И опять я испуганно сжалась, ожидая увидеть в глазах служанки неприкрытое осуждение или услышать из ее уст какое-нибудь хлесткое, обидное слово.

Но вместо этого Найра приветливо улыбнулась мне.

– Вставай, засоня! – прошебетала она. – Иди и угомони своего брата. А то он весь дом скоро разнесет в попытках тебя отыскать. Бедняга Гарольд уже всерьез раздумывал над тем, не успокоить ли проказу при помощи магии.

Я подпрыгнула на месте от этих слов. Что?! Понятия не имею, что я сделаю с некромантом, если он осмелится хоть пальцем тронуть моего брата, но лучше ему не проверять, на что я способна! Если Гарольд обидит Дирка, то я выжду удобный момент и удушю виера собственными руками!

– Я пошутила, – поспешила заверить меня Найра, видимо, всерьез встревожившись из-за мрачного выражения моего лица. – Не бойся, ничего Гарольд с мальчиком не сделает. Хозяин любит детей.

После этого заявления я позволила себе с облегчением перевести дыхание. Ну, будем надеяться, что служанка не врет.

– Одевайся. – Найра между тем встряхнула платье, которое по-прежнему держала в руках. – Давай я помогу.

И опять удивительнейшим образом наряд оказался мне впору, будто шился именно на мою фигуру. На сей раз платье было голубым, как небо ранней весной. Я с негромким вздохом удовольствия провела рукой по дороговому бархату. Словно перенеслась во времени на несколько месяцев назад, когда еще ничто не предвещало трагедии, неотвратимо изменившей и поломавшей жизнь всей нашей семьи.

Найра была настолько любезна, что прихватила с собой и обувь – маленькие изящные туфельки на высоком каблуке. Я почти не удивилась, когда они сели по моей ноге как влитые. Интересно все-таки, кому прежде принадлежала вся эта одежда? И о чем сыне вчера случайно обмолвилась Найра, когда пообещала Дирку множество игрушек?

Между тем служанка быстро и умело расчесала мои волосы и убрала их в скромную высокую прическу, оставив несколько локонов свободно ниспадать на плечи. Обошла меня кругом и в очередной раз восхищенно шелкнула языком.

– Я так и знала, что виер тебя не отпустит, – вдруг проговорила она. – Даже страшно становится от того, насколько ты похожа...

Впрочем, как и следовало ожидать, заканчивать фразу она не стала. Вместо этого, спохватившись, Найра шутливо шлепнула себя по губам, показывая, что не должна об этом говорить.

– На кого я похожа? – пожалуй, слишком резко спросила я, устав от всех этих недомолвок и намеков.

– Пойдем. – Найра сделала вид, будто не услышала моего вопроса, и настойчиво потянула меня за рукав к выходу. – Пойдем, дорогая. Поди от голода умираешь. Ни капли не сомневаюсь, что хозяин ночью от тебя долго отлепиться не мог. После такого самое то хорошенько подкрепиться.

Я вздрогнула, как от удара. Слишком грубо и откровенно прозвучали слова служанки. Но при этом, вот ведь странная вещь, я не сомневалась, что она не имеет в виду ничего дурного. Просто констатировала это как данность. Мол, ночью ты хорошо развлеклась, поэтому сейчас надлежит основательно перекусить.

Найра или не заметила моей реакции на свой тон, или предпочла сделать вид, будто не поняла, почему вдруг я нахмурилась. Она еще раз дернула меня за руку, и я подчинилась, невольно кинув быстрый взгляд через плечо на разобранную постель, которая, казалось, еще хранила жар прошлой ночи.

Стоило мне только пересечь порог обеденного зала, как на меня с оглушительным визгом накинулся Дирк, едва не сбив с ног.

– Хеда! – проорал он мне на ухо, повиснув на шее. – Хеда, почему меня не пускали к тебе? Я так боялся за тебя!

– Все в порядке, – ответила я, безуспешно пытаюсь разжать пальцы брата, которыми он преобильно вцепился меня. Точно ведь синяков наставит! Но Дирк лишь упрямо стискивал свою хватку, и я взмолилась: – Дирк, осторожнее! Мне ведь больно!

– Дирк, я же говорила, что твоя сестра в полной безопасности, – поспешила мне на помощь Найра.

Я невольно затаила дыхание, ожидая, что служанка со свойственной ей прямоотой сейчас объявит, где и с кем я провела прошлую ночь. Но Найра бросила на меня озорной взгляд и добавила:

– Не забывай, что твоя сестра тоже перенесла тяжелую болезнь. Она едва не замерзла насмерть, когда ждала у ворот нашего дома возвращения виера Гарольда. Поэтому бедняжке нужно много отдыхать, а ты, мой милый, слишком шумный и озорной малыш.

Дирк мгновенно помрачнел и отцепился-таки от меня. Шмыгнул носом и прямо заявил, смерив Найру тяжелым взглядом исподлобья:

– Я не малыш! Я уже взрослый! И теперь я буду защищать сестру и заботиться, как она заботилась обо мне!

Я невольно передернула плечами. Как же он был похож в этот момент на нашего отца, Грегса Артьяна! Упрямый подбородок, гордо вздернутый вверх, совсем не по-детски презрительно сощуренные глаза, высокомерная усмешка на устах...

Видимо, Найра тоже ощутила, что в мальчике заговорил наш фамильный характер. Она удивленно покачала головой и обронила, ни к кому не обращаясь:

– Ну надо же! Такая шмакодявка – а уже норов выказывает.

Дирк вскинулся было, покоробленный столь нелицеприятным определением, открыл рот, намереваясь поставить служанку на место, но я поторопилась присесть подле него и обняла за плечи, успокаивая.

– Тихо, Дирк! – прошептала я, глядя его по непослушным жестким волосам. – Тихо. Не забывай, что нас из милости пустили в этот дом. И точно так же нас могут в любой момент выгнать.

– Я не боюсь этого! – ершисто возразил Дирк.

– Зато я боюсь, – чуть слышно проговорила я. – И прежде всего – за тебя. Нам не пережить этот месяц в той лачуге.

Дирк резко покачал головой, намереваясь продолжить спор. Но потом посмотрел на меня – и жесткая складка, пролеглая вокруг его рта, разгладилась.

– Прости, – прошептал он. – Прости, Хеда, ты права. Я... я постараюсь быть хорошим.

– Вот и славно, – решительно вмешалась в наши тихие переговоры Найра, которая наверняка все слышала. – А теперь, милые мои, садитесь за стол. Еда стынет. Вас обоих откармливать и откармливать. Посмотреть страшно, как мослы торчат.

Я напоследок потрепала Дирка по макушке, чмокнула его в щеку и послушно заняла свое место за столом.

Если честно, аппетита у меня не было. Я машинально подносила ложку ко рту, не чувствуя чудесного аромата и вкуса горячей пшенной каши. Мои мысли сейчас были заняты событиями прошлой ночи.

Нет, я уже не переживала по поводу того, что стала содержанкой некроманта. В некотором смысле, это даже к лучшему и приблизило меня к выполнению главной цели. Полгода назад, стоя около кровати, где в последнем смертельном поцелуе слились мои родители, я пообещала себе и богам выяснить, что же случилось на самом деле. Нет, я не верила в самоубийство родителей. Отец бы еще мог принять яд, желая избежать позорного судилища и казни. Но мать? Она бы не бросила меня и Дирка на произвол судьбы. Никогда бы не бросила! К тому же и сам отец накануне был настроен более чем решительно. Этот вечер после обыска ему позволили провести с семьей, предупредив, что на следующее утро последует арест. Следователь, ведущий это дело, с гадливой улыбкой заявил, что надеется на фамильную честь отца. Мол, виер Грегс должен знать, как надлежит поступить, чтобы не стать посмешищем и позорищем для всего Хельона.

Отец тогда проглотил его замечание, зато позже, во время ужина, кричал, что никогда и ни за что не сбежит постыдно в мир духов. Он знает, что не виноват, и сумеет доказать это!

А буквально через несколько часов я обнаружила их остывшие тела. Нет, я слишком хорошо знала отца, поэтому ни на миг не поверила в самоубийство. Но я понимала, что свои мысли надлежит держать при себе. Если мои родители на самом деле были убиты, то к этому явно имеют отношения некие могущественные личности. Если они заподозрят, что я полна решимости расследовать все обстоятельства этого дела, то просто устранят меня и брата. Прихлопнут, как надоедливую мошкарку. Поэтому я старательно разыгрывала горе и недоумение, надеясь, что враги отца забудут обо мне и Дирке. Зачем им марать руки о нас? Приближалась зима, никто не верил, что изнеженным дворянским детям удастся пережить самое суровое время года в Хельоне.

Наверное, так бы и произошло. Если бы не чудо и не виер Гарольд, мы с братом были бы уже мертвы. Но этого не произошло, а значит, я намерена продолжить свою борьбу.

Борьбу! Я невольно усмехнулась оттого, насколько недопустимо гордое слово подобрала. Как будто за эти полгода я сделала хоть что-то, что позволило бы мне разобраться в произошедшем. Нет, я просто старалась выжить. И это мне, как ни странно, удалось. Значит, самая пора перейти к следующему этапу.

Виер Кеймон Регас. Я беззвучно повторила имя следователя, из-за которого жизнь нашей семьи превратилась в кошмар. А перед мысленным взором появился высокий худощавый мужчина лет тридцати, с пепельными волосами и светлыми глазами навывкат. Не сосчитать, сколько раз за прошедшие полгода я видела его в самых жутких кошмарах, как только ни пыталась в снах остановить его, выгнать из дома, защитив тем самым родителей. Как же я его ненавидела! Издали он даже казался симпатичным, но при общении с ним почему-то всем окружающим становилось не по себе. Как мой отец презрительно кинул: от этого следователя смердит мертвечиной. И действительно, за тот жуткий день, когда в нашем доме проводился обыск, виер Кеймон не выказал даже тени каких-либо эмоций. Ничего, будто был не способен на обычные человеческие чувства. Ни торжества, ни огорчения от того, что ничего не нашли. Уже позже я узнала, что он является племянником королевского наместника и чаще всего именно его называют негласным правителем Хельона. Всем известно, что наместник стар, глуп и погряз в пьянстве и разврате. У виера Аргаса не было своих детей, поэтому сына младшей сестры он считал единственным наследником и даже добился того, чтобы сестра дала сыну свою девичью фамилию. Более того, он сам воспитал племянника, поскольку его мать погибла, когда ребенку только исполнился год. И Кеймон по мере сил и возможностей старался не огорчать чайный могущественного дяди. Как-то вдруг оказалось, что с королевским наместником очень опасно ссориться. Даже шуточная перебранка во время картежной игры могла стоить наглецу огромного штрафа, выписанного за какой-нибудь пустяк, якобы в пользу короны. Хотя я очень сомневалась, что казна нашего государства на самом деле получала эти деньги.

Я понятия не имела, чем мой отец мог досадить королевскому наместнику. Он уже давно не посещал местных званных приемов, предпочитая свободное время проводить в имении за чтением или прогуливаясь по окрестностям. А вот моя мать любила балы. Как она оправдывалась порой, они служили для нее редкой возможностью блеснуть своей красотой и показать наряды. Отец, к слову, не возражал против того, чтобы моя мать ездила по раутам без его сопровождения. Каждый раз он отговаривался плохим самочувствием или дурным настроением и уверял, что полностью доверяет своей жене и знает, что она не натворит каких-либо глупостей, за которые ему потом придется краснеть. Да и вообще, моему отцу было непросто угнаться за молодой прелестницей женой. Слишком большая разница в возрасте их разделяла. Отец женился, когда ему было уже далеко за сорок, а мать едва-едва достигла возраста совершеннолетия. Почти сразу она забеременела. Не прошло и года, как родилась я. А вот мой брат появился на свет только через долгих десять лет. Однажды я услышала, как наша верная Арта судачила по этому поводу с другой служанкой. Мол, моей матери так непросто дались первая беременность и роды, так долго после этого она не могла вернуть себе фигуру, что больше всего на свете боялась забеременеть вновь. И втайне от моего отца она начала принимать противозачаточный травяной сбор, который покупала у местной знахарки, при этом искусно притворяясь, будто сама очень хочет второго ребенка. Несколько лет отец верил ее словам и сам утешал каждый месяц, когда приходили обычные для любой женщины дни. Но годы шли, отец старел, а наследника у него никак не появлялось. Тогда он начал мягко уговаривать мать обратиться к целителю. Когда она категорически отказалась, заподозрил неладное и произвел осмотр ее вещей. Естественно, обнаружил загадочные капли с сильным лекарственным запахом. Мать привыкла к тому, что муж доверял ей безгранично, расслабилась и перестала прятать спасительный отвар. Отец нагрянул к знахарке, посулил ей огромную сумму денег – и та выложила все как на духу. Ох, какой скандал тогда разразился! Даже я помню это, хотя родители старались выяснять отношения тихо. Отец так обиделся на мою мать, что даже собирался отправиться в столицу Гроштер и просить разрешения на развод у короля. Он был настроен так решительно, что мать всерьез забеспокоилась. Она понимала, что если прошение удовлетворят, то ее выгонят из дома. Если очень повезет, то отец назначит ей небольшое пожизненное содержание. Но для балов и продолжения блестящей светской жизни этих крох точно не хватит. Я наверняка осталась бы с отцом. Не говоря уж о том, что второй раз мать вряд ли устроила бы свою семейную жизнь. Не думаю, что какой-нибудь достойный мужчина захотел бы взять в жены разведенную особу.

Испугавшись столь незавидной участи, мать принялась действовать. И ровно через девять месяцев после страстного примирения появился на свет мой брат, которому не так давно исполнилось восемь.

Ладно, вряд ли наши семейные скелеты имеют отношение к произошедшему полгода назад. Я просто никак не могла понять, чем же именно так сильно насолил мой отец королевскому наместнику, что тот отдал приказ своему племяннику убить его. Не штраф, не ссылка, а убийство! Должно было произойти что-то действительно значительное и очень громкое! Но увы, как я ни старалась припомнить события тех дней – все впустую. Мой отец вел себя как обычно, хотя если бы он поссорился с виером Аргасом, то наверняка бы страдал от дурного настроения. Более того, я готова поклясться, что отец несколько недель никуда не выезжал из имения, поскольку у него разыгралась подагра и он с трудом ходил все эти дни, тяжело опираясь на трость.

– ...Хеда!

Я вздрогнула и с усилием оторвала взгляд от пустой тарелки, осознав, что меня уже давно кто-то зовет по имени. Подняла голову и увидела Гарольда, который стоял около меня и с заметным раздражением постукивал мыском сапога по полу.

– Очнулась наконец-таки! – фыркнул он. Вдруг наклонился ко мне и шепнул на ухо, прежде лукаво подмигнув: – Надеюсь, это прошлая ночь произвела на тебя такое впечатление, что ты будто спишь на ходу?

Я беззвучно ахнула от такого нахальства и испуганно посмотрела на Дирка – не услышал ли он этой скабрёзности. Но мой брат упоенно поглощал шоколадный пудинг, не замечая ничего вокруг.

Гарольд проследил за моим взглядом и понимающе ухмыльнулся. Продолжил говорить тихо, явно не желая привлекать внимание моего брата.

– Я всего лишь хотел сказать тебе, что выберусь в город, – сказал он и снисходительно потрепал меня по плечу. – Не скучай, к вечеру буду. А пока изучи дом. Найра покажет тебе твою комнату. Советую хорошенько отдохнуть, потому что...

Он не завершил фразу, вместо этого воровато покосился на Дирка и хозяйским жестом быстро погладил меня по груди.

Я вспыхнула от возмущения, но молча проглотила его выходку. Что же, придется мириться, что отныне ввер Гарольд имеет полное право так со мной поступать. Благо еще, что он щадит чувства моего младшего брата.

– Покажет мою комнату? – вопросительно повторила я.

Говоря откровенно, я не предполагала, что некромант проявит столь небывалую щедрость и выделит мне для проживания отдельную комнату. Да что там, я бы не удивилась, если бы некромант поселил меня на своем прикроватном коврикe, и даже, наверное, приняла бы это с должным смирением.

– Ну да. – Гарольд пожал плечами, удивленный, что мне надо объяснять настолько очевидные вещи. – У каждого человека должен быть свой уголок, где бы он мог укрыться от невзгод внешнего мира. – Помолчал немного и чуть слышно добавил, словно обращался не ко мне, а к самому себе: – К тому же я порой могу возвращаться домой не один, а в чьем-нибудь сопровождении. Право слово, будет не очень красиво, если такие ночи тебе придется проводить не в мягкой кровати, а на каком-нибудь жестком диване в гостиной или в каморке у Найры.

Я хмыкнула себе под нос. Что же, вторая причина звучит убедительнее, чем первая. А я уж подумала, что ввер Гарольд заботится о моем уюте. Нет, он просто не желает, чтобы я путалась у него под ногами, когда он приведет к себе очередную прелестницу для приятного времяпрепровождения вдвоем.

– В общем, развлекайся, как можешь. – Гарольд опять прикоснулся к моей груди и провел пальцем по тонкой мягкой ткани платья, добиваясь того, чтобы мой сосок напрягся. Довольно хмыкнул, когда это ему без особых проблем удалось, погладил меня по плечу, развернулся и ушел без лишних слов прощания.

Я украдкой перевела дыхание от облегчения, что Дирк не заметил и этой сцены. Он как раз закончил бороться с пудингом и сейчас шумно допивал горячий шоколад, вожаделенно поглядывая на кофейник в надежде на добавку.

А вот от внимания Найры не укрылся этот крохотный эпизод. Она довольно улыбнулась, затем, увидев, что я смотрю на нее, поспешно схватила в руки какую-то тряпку и принялась протирать и без того блестящий стол.

Ну что же. Гарольд сказал, что я могу изучить дом. Пожалуй, этим я и займусь на досуге. И я даже знаю, какую именно комнату мне надлежит проверить в первую очередь.

* * *

Я стояла около кабинета некроманта и отчаянно трусила войти. Я прекрасно понимала, что если меня застанут здесь, то ничем хорошим моя затея не закончится. Еще повезет, если

виер Гарольд не прикажет мне немедленно убираться из его дома на все четыре стороны. А то он вполне может решить, что проявил милосердие к самой обыкновенной воровке, вздумавшей при первом же удобном случае обчистить его жилище.

В доме царила тишина. Найра, закончив возиться с обедом, прилегла отдохнуть. Дирка тоже сморил сон, видимо, сказалась ночь, проведенная в беспокойстве за меня, и ранний подъем. К тому же он еще испытывал слабость после долгой и тяжелой болезни.

По всему выходило, что мне никто не сможет помешать. И все же меня терзали сомнения. А вдруг Гарольд вернется пораньше? Вдруг Найра вздумает убраться здесь и застанет меня за разглядыванием вещей своего хозяина? Ох, как же непросто решиться на такой шаг!

Я в последний раз покосилась в сторону лестницы, прислушалась, не поднимается ли кто, и бесшумно повернула дверную ручку.

Наверное, я была бы по-настоящему счастлива, если бы рабочий кабинет некроманта оказался заперт. Нет, конечно, я бы принялась огорченно вздыхать, досадуя на предусмотрительность виера, но в глубине души обрадовалась бы. Ведь это избавило бы меня от необходимости войти, а следовательно, меня не страшила бы возможность быть застигнутой на горячем.

Но дверь беззвучно распахнулась передо мной.

Ну надо же! Я покачала головой. Получается, виер Гарольд настолько доверяет своей служанке, что даже не закрывает кабинет, когда надолго уходит. А ведь здесь наверняка хранятся редкие и ценные книги, какие-нибудь могущественные артефакты... Да мало ли какие опасные вещи использует некромант при вызове мертвых!

– Вызов мертвых, – негромко проговорила я и передернула плечами. От простого словосочетания словно повеяло могильным холодом.

Что скрывать очевидное, именно для этого я пошла на невысказанный риск и вздумала обыскать кабинет Гарольда. Я хотела вызвать дух моего отца и расспросить его о событиях полугодовой давности. Пусть он скажет мне, сам ли принял яд или его вынудили это сделать! Говорят, что мертвые не способны лгать. Вот и проверим, так ли это на самом деле.

Я зачем-то набрала полную грудь воздуха и смело вступила в кабинет.

Гардины были распахнуты, и в комнату вливались яркие солнечные лучи. Судя по всему, после вчерашней метели сильно похолодало. На это указывали ледяные узоры на стеклах, которые красиво переливались.

Я опять передернула плечами, представив, что могла бы мерзнуть сейчас в крохотной лачуге. Нерешительно покосилась в сторону коридора, гадая, не стоит ли убраться прочь, пока меня никто не заметил. Но затем я увидела рабочий стол некроманта, и все мысли о побеге сами собой испарились. Я быстро. Только бегло взглянула на его книги. Вполне возможно, что нужной мне здесь и нет.

Однако боги благоволили ко мне сегодня. Стоило мне только подойти ближе к письменному столу, заваленному бумагами и какими-то пыльными рукописями, как взгляд упал на старинный фолиант в тяжелом металлическом окладе, который гордо покоился на целой горе исписанных заметок.

«Способы вызова мертвых. Все о мире духов».

Название было выполнено из настолько огромных кроваво-красных букв, что я прочитала его даже на приличном расстоянии от стола, после чего в удивленном восхищении покачала головой. Ну надо же! Наверное, это мне награда за перенесенные ужас и унижение.

Еще один быстрый взгляд в сторону двери, которую я благоразумно прикрыла. Нет, ни звука не доносилось из коридора. По всей видимости, Гарольд еще не вернулся, впрочем, он сразу предупредил, что задержится до вечера. А Найра пока дремлет.

Я еще раз глубоко вздохнула и преодолела последние несколько шагов, которые отделяли меня от стола некроманта.

Пальцы сами легли на прохладный переплет нужной мне книги. Я невольно задержала дыхание. Неужели все будет настолько просто? Неужели сейчас я открою книгу – и тут же найду нужное мне заклинание? После чего я вызову из мира забвения и теней отца и задам ему необходимые вопросы...

Я не сомневалась, что у меня все получится. На самом деле небольшой магический дар у меня имелся. Даже не дар, а так, легкая искорка таланта. К примеру, я могла погасить свечу на расстоянии. Или заморозить мышь так, чтобы она сама выскочила из норки в лапы кошке. Однажды я продемонстрировала свои умения матери, когда она пожаловалась мне на надоедливую муху, которую никак не получалось выгнать из комнаты. Один щелчок пальцами – и дохлое насекомое упало к нашим ногам. Правда, мать в восторг не пришла, а, напротив, накричала на меня. Сказала, что дочери графа не пристало заниматься такими фокусами, направленными на удовлетворение низменного любопытства толпы необразованных крестьян. Мол, в магии идут лишь те, кто родился в недостаточно богатой семье, вот несчастным и приходится зарабатывать себе на жизнь всякими подозрительными способами. И вообще, женщина и магия – два диаметрально противоположных понятия. Слабому полу нет нужды заботиться о благосостоянии семьи, пусть об этом голова болит у мужчин. К тому же видела она некоторых колдуний. Их слишком свободный образ жизни привел ее в откровенный ужас. И она лучше придушит меня собственными руками, чем позволит позорить семью.

Я мало что поняла из ее разгневанной тирады. Зато уяснила раз и навсегда: лучше своим магическим даром перед родственниками не хвастаться.

Довольно долго я даже не вспоминала о своих умениях. Лишь изредка позволяла себе выгнать осу из комнаты или какую-нибудь тому подобную мелочь. А после потери родителей мне достаточно быстро пришлось убедиться в том, что как колдунья я откровенно слаба. Меня едва не поймали за руку при первой же попытке стащить кусок хлеба с уличного лотка, прежде отведя глаза владельцу. Перспектива провести день у позорного столба надолго отбила у меня охоту к подобным экспериментам.

Но сейчас я почему-то не сомневалась в том, что все получится. Говорят, заклинания вызова мертвых требуют мало силы. Главное – твое горячее желание. Определенное заклинание, капелька твоей крови – и духи сами слетятся к тому, кто захочет с ними побеседовать.

Замирая от собственной дерзости и смелости, я открыла книгу. Глаза сами заскользили по оглавлению. Не то, не то, не то. Ага, вот, наверное.

Нужная мне глава именовалась просто – «Разговоры с духами». Ну-с, посмотрим, что для этого нужно.

По всей видимости, книгой так давно не пользовались, что ее страницы склеились. Я то и дело облизывала пальцы, силясь разлепить листы.

– Ой! – Крохотная капелька крови упала на одну из страниц. Это я случайно порезала себе палец, когда силилась добраться до нужной мне главы.

Несколько секунд я сосредоточенно хмурила брови, глядя на кляксу, быстро расплывающуюся по странице. Странно. Порез пустяковый, а натворил столько бед.

Пятно все расплзлось и расплзлось, и я заподозрила неладное. Что-то тут не то! Ну не может одна капля крови так сильно запачкать бумагу! Будем надеяться, что виер Гарольд не заметит учиненного мною безобразия. Правда, не совсем понимаю, если он настолько редко пользуется этой книгой, то почему она занимает настолько почетное место на его столе?

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Я начала жалеть, что ввязалась во все это. Попыталась было захлопнуть книгу, но вдруг обнаружила, что не могу этого сделать. Словно чьи-то невидимые руки держали фолиант распахнутым на той странице, которая уже вся была покрыта ярко-алыми разводами.

Как-то вдруг похолодало. Я испуганно вздохнула и вдруг замерла, заметив, что мое дыхание оседает белым облачком на ворот платья. Потом поднесла к своему лицу руку, желая разглядеть загадочный порез, и вздрогнула.

Мои руки были покрыты густой багрово-черной жидкостью, более всего напоминающей кровь, которая уже начала сворачиваться. Что это? Где и как я могла так сильно пораниться? И почему я не чувствовала этого раньше?

Густые капли медленно стекали по моим пальцам. Блямс! Это первая упала на сукно стола. Затем за ней последовала еще и еще одна.

Я жала кулаки и спрятала руки за спину. Затем посмотрела вниз, гадая, не пострадал ли ковер, и от ужаса едва не закричала в полный голос. Потому что я стояла в луже самой настоящей крови, от которой исходил резкий металлический запах.

– О небо, что это? – прошептала я, чуть не плача. Принялась пятиться в сторону двери, больше всего на свете жалея о том, что вообще сунулась в эту комнату.

Вдруг за моей спиной раздался резкий хлопок. Я обернулась, холодея от страха. Так и есть: дверь, прежде аккуратно прикрытая, но не до конца, захлопнулась, словно от порыва сквозняка. Правда, вот беда, я при этом не чувствовала ни малейшего дуновения ветерка.

Почти сразу раздался неприятный скрежет из замочной скважины. Я гулко сглотнула, догадавшись, что некто невидимый запер меня в этой проклятой комнате.

Дневной свет померк. В углах кабинета зашевелились тени, темно-багровое, почти черное пятно на ковре вдруг зашевелилось, то и дело выпуская тонкие отростки щупалец в мою сторону.

– Что это за гадость? – прошептала я себе под нос, с нескрываемым омерзением наблюдая за тем, как со стола медленной струйкой полилась все та же жидкость, более всего напоминающая кровь.

И неожиданно пятно вдруг принялось преобразовываться. Получив щедрое подкрепление, оно начало расти в высоту, все так же не отрываясь от ковра. Мгновение, другое – и передо мной оказался какой-то комок из кровавой слизи, который упирался обрубками конечностей в пол и силился подняться.

Я поднесла руку ко рту, ощутив резкий позыв к тошноте. Картина была просто-таки чудовищно омерзительной, но я почему-то никак не могла оторвать от нее взгляда. Было в моем интересе что-то... неправильное. Очень и очень неправильное.

Наконец загадочное существо приняло вертикальное положение. Жидкость стекала по его голому черепу, вязко капала в породившее его пятно, где что-то неприятно чавкало и возилось.

Я бросила неосторожный взгляд на пол и с усилием сглотнула вязкий комок с горьким привкусом желчи. Ковер под ногами этого чудовищного порождения бога-пасынка был покрыт белыми безглазыми червями, которые то и дело пожирали друг друга.

– Ты звала меня...

Создание раззявило безгубый и беззубый рот, и я увидела, как шевелится его толстый язык, покрытый каким-то зеленым налетом и черными бородавками.

– Что ты хочешь?

Голос слышался сразу со всех сторон. Он словно проникал под кожу, заставляя меня ежиться.

Больше всего на свете я хотела сейчас оказаться как можно дальше от этого места. Какая мерзость! О небо, что за чудовище я оживила по незнанию и недомыслию?

– Мечь...

От этого слова завибрировали оконные стекла. Безглазое создание покачнулось в мою сторону, и одновременно я шагнула назад, страшась, что оно может приблизиться и прикоснуться ко мне.

– Я чувствую жажду мести в твоих мыслях, – прошептал воздух вокруг меня. – Я могу помочь. Могу жестоко покарать тех, кто заставил тебя страдать. Могу утопить твоих врагов в крови. Ты хочешь этого?

Хотела ли я смерти виера Кеймона Регаса? О, не то слово! Я мечтала об этом! Жаждала видеть, как он задыхается от нехватки воздуха, как он корчится на полу, царапая пол в безуспешных попытках унять боль. Если он повинен в гибели моих родителей, то пусть мучается так, как еще не мучился ни один человек! Пусть он страдает, зная, что это я отплатила ему за содеянное! И пусть вместе с ним умрет его всесильный дядя, виер Аргас Регас. А я буду смеяться, глядя на их мучения! Хохотать в полный голос, призывая души моих родных поселиться вместе со мной!

– Мне нравятся твои планы.

Что-то легонько прикоснулось к моей ноге. Я посмотрела вниз и с трудом удержалась от испуганного возгласа. Я настолько увлеклась идеей кровавого и жестокого возмездия, что не заметила, как границы пятна подползли к моим ногам. И одна змейка обвилась вокруг моей щиколотки, нежно тычась в нее узкой треугольной мордочкой.

В очередной раз передернувшись от отвращения, я отпрыгнула сразу на несколько шагов назад, вплотную приблизившись к запертой двери. Повыше подобрала подол платья и резким движением откинула омерзительную тварь обратно к ее ползающей и шипящей братии. Пожалуйста, стоит быть осмотрительнее.

– Один поцелуй, – прошамкало между тем создание, упорно подползая ко мне все ближе и ближе. – Я прошу лишь один поцелуй за свою помощь. И ты станешь ночным кошмаром для своих врагов.

Я задохнулась от этого предложения. Поцеловать вот это... нечто? Да ни за что на свете!

– Я прошу так много? – Интересно, мне послышалось, или в искушающем меня голосе действительно прорезалось раздраженное змеиное шипение? – Неужели тебе так трудно перетерпеть несколько секунд? Один поцелуй – и твоя самая сокровенная мечта окажется исполненной. Тебе больше не придется терзаться вопросами, что случилось с твоими родителями. Ты будешь упиваться торжеством, глядя, как твои враги долго и мучительно умирают. А ведь прошлой ночью тебе пришлось терпеть намного дольше...

Мои щеки мгновенно запыхали от упоминания о недавних событиях. Кстати, а откуда этому существу известно о моей сделке с некромантом?

– Мне ведомо многое в мире, мне ведомо все в этом доме, – плавно, нараспев сказала существо, и змеи, копошащиеся под его ногами, вдруг согласно подняли безглазые мордочки и повернули их в мою сторону.

Я сделала еще один крохотный шаг назад, уперлась спиной в дверь и принялась отчаянно шарить позади себя, пытаясь отыскать ручку. Нет, не хочу я никакой сделки! Я найду другой способ отплатить за смерть моих родителей королевскому наместнику и его племяннику!

– Тогда я возьму свое силой, – прошипело создание. Плюхнулось на живот и неожиданно быстро поползло в мою сторону, помогая себя культями конечностей.

И тут я не выдержала. Закричала во все горло, завизжала так, как не визжала никогда в жизни. Повернулась и принялась отчаянно биться в запертую дверь, как глупый мотылек бьется в окно, не замечая открытой створки рядом.

– Помогите! – орала я во весь голос. – Пожалуйста, помогите мне! Виер... Гарольд, прошу, помогите мне!

От ужаса я сама не заметила, как перешла на «ты».

А в следующее мгновение что-то склизкое и ледяное с силой ухватило за мои ноги.

Я захлебнулась в крике. Мир замерцал в пелене скорого обморока. Наверное, я бы все-таки потеряла сознание, если бы мигом раньше дверь не распахнулась передо мной. И я благополучно рухнула прямо в объятия Гарольда.

– Так, – обронил он таким тоном, что мне немедленно захотелось развернуться и ринуться обратно в комнату, где меня поджидало отвратительное чудище. Сдается, поцелуй – не столь уж великая плата по сравнению с тем гневом, который обязательно обрушит на мою несчастную голову некромант.

Но Гарольд не стал ругать меня. Он просто сгреб меня за шкирку, словно напроказившего котенка, и, не тратя времени на лишние слова, выкинул в коридор, после чего с грохотом захлопнул за собой дверь кабинета.

Я пребольно стукнулась затылком и локтями о противоположную стену и медленно сползла на пол. Меня всю трясло после пережитого.

– Хеда? – услышала я встревоженный оклик. С трудом повернула голову в ту сторону, откуда донесся возглас, и увидела Найру.

Служанка, судя по всему, была перепугана еще больше меня. На бледном от волнения лице выделялись огромные, черные от чрезмерно расширенных зрачков глаза.

– Иди сюда! – прошипела она. – Быстро! Не стой около двери, а то вдруг это чудовище опять затащит тебя обратно.

Я бы с радостью послушалась ее, но колени словно превратились в горячий кисель и отказывались держать меня. Недолго думая, я встала на четвереньки и поползла к служанке. Правда, почти сразу болезненно охнула. Щиколотки вдруг налились огнем, будто я где-то умудрилась сильно обжечься.

Однако это не помешало мне быстро преодолеть расстояние, отделяющее меня от Найры. После чего я с усталым вздохом опять привалилась к стене, не рискуя пока принять вертикальное положение, приподняла подол платья и изумленно охнула.

– Бедная! – поддержала мое восклицание Найра, округлившимися от удивления глазами рассматривая мои ноги, на которых ярко-алыми пятнами ожогов пламенели два четких отпечатка чьих-то рук.

Я вспомнила свое финальное ощущение в той проклятой комнате, чувство, что меня кто-то схватил за щиколотки, силясь удержать. И по моей спине стройными рядами замаршировали ледяные мурашки при мысли, что могло бы произойти со мной, если бы Гарольд не поспел на помощь.

– Это чудовище затащило тебя в кабинет, да? – тем временем принялась осыпать меня вопросами Найра. – Ой, сколько раз я говорила хозяину, чтобы не держал такие опасные вещи у себя! Постоянно мороз по коже, когда я у него убираюсь. Хотя я к его столу даже не приближаюсь, но все равно. Все время кажется, будто за мной кто следит недобрым взглядом. Сколько раз я предупреждала, что это добром не закончится! Бедняжка, как это случилось? Оно обманом тебя завлекло? Или прямо из-за двери набросилось и затащило в кабинет? Я сразу поняла, что что-то недоброе происходит! В доме разом как-то потемнело и похолодало! Ну, я шубу на плечи накинула – и за Гарольдом кинулась. Он мне все уши прожужжал, что, если вдруг такое произойдет, на второй этаж даже и не думала подниматься.

– А где Дирк? – поморщившись, перебила я трескучую болтовню служанки.

– Да заперла я его в комнате! – раздраженно всплеснула руками Найра. – Все рвался к тебе да к тебе. Чуть не подрались – так он вырваться пытался. – Помолчала немного и повторила свой самый важный вопрос: – Так что с тобой случилось-то?

Я стыдливо опустила взор. Говоря откровенно, мне совершенно не хотелось признаваться, что все произошло из-за моей глупости. Хотя Гарольд тоже хорош. Найра права: столь опасные вещи не стоит хранить в открытом доступе. А если бы на моем месте был Дирк, решивший сунуть свой любопытный нос в таинственные записи самого настоящего некроманта? Ох, не хочу о таком даже думать!

В этот момент вдруг гроыхнуло так сильно, что мы с Найрой разом вскрикнули. Было такое чувство, будто неведомая сила приподняла дом и хорошенько его встряхнула, после чего небрежно кинула его обратно на фундамент. Где-то внизу раздался звон разбитого стекла.

– Дела... – потрясенно прошептала служанка, вцепившись мне в плечо.

Я прикусила губу. Ого! Интересно, что происходит в кабинете? Неужели Гарольд сейчас ведет бой с тем созданием, которое по недомыслию я случайно выпустила из мира теней? А вдруг он проиграет и погибнет? Ох, не хочется даже думать о подобном развитии событий! Хотя, с другой стороны, вне всякого сомнения, смерть некроманта избавит меня от весьма неприятной необходимости давать непростые объяснения о том, что я забыла в его кабинете. Но все-таки я не желала смерти Гарольду. И прежде всего потому, что понятия не имела, как после этого поведет себя чудовище. Скорее всего, оно вырвется на свободу и довершит-таки начатое.

Я украдкой поежилась и покосилась в сторону лестницы. Быть может, сбежать, пока не поздно? Кажется, моя крохотная промерзшая лачуга только что начала мне очень и очень нравиться.

От трусливых мыслей о возможном побеге меня отвлек новый звук. Дверь, ведущая в кабинет, вдруг распахнулась. Несколько секунд после этого ничего не происходило, и Найра все сильнее и сильнее сжимала мои пальцы, не в силах совладать с волнением.

Когда пауза стала невыносимой, на пороге появился Гарольд.

Некромант выглядел так, как будто только что участвовал в жестокой драке. Под глазом наливался фиолетовым синяк, скула опухла, губы разбиты в кровь, а рубашка из тончайшего и очень дорогого шелка порвана так, будто Гарольд разозлил дикую кошку.

– Ой! – жалобно пискнула Найра. – Хозяин, как вы?

Гарольд очень мрачно на нас посмотрел. Задержал взгляд на мне.

Хорошо, что я все еще сидела. Иначе, боюсь, я бы все-таки бухнулась в обморок. Некромант выглядел не просто разозленным. От него веяло таким гневом, что я испуганно втянула голову в плечи. Нет, видимо, не суждено мне и брату переждать самое холодное время года в тепле и безопасности. И нам еще очень повезет, если виер Гарольд просто выкинет нас вон.

– Ты. – Некромант поднял руку и в угрожающем жесте наставил на меня указательный палец. – Иди сюда.

Он не кричал, напротив, говорил тихо и внятно. Но почему-то я не сомневалась, что именно так проявляется высшая степень его раздражения.

Я честно принялась исполнять приказ некроманта. Стиснула зубы и попыталась подняться на ноги. Но не уверена, что у меня бы это получилось без посторонней помощи. Хорошо, что Найра, которая находилась рядом, опомнилась и подхватила меня под локоть.

Обожженные щиколотки зудели, как будто меня покусал целый рой ос. Я не сомневалась, что Гарольд увидел отпечатки ладоней на моей коже, но он ничего не сказал и не спросил. Лишь грозно скрестил на груди руки, дожидаясь, когда я исполню его приказание.

Я медленно сделала к нему несколько шагов и остановилась.

– Ближе, – прошипел Гарольд, невольно напомнив мне жуткое создание, случайно разбуженное мною.

Я сделала еще шаг, стыдливо понутив голову и глядя себе под ноги. Слишком страшно мне было сейчас посмотреть в лицо разъяренного некроманта.

– Хозяин, ну зачем вы с ней так сурово, – подала голос Найра, видимо, пожалев меня. – Бедняжке и без того досталось! Она же не виновата...

– Не виновата? – с сарказмом перебил ее Гарольд. – О, если кто и виноват в произошедшем, то только эта невыносимая девчонка!

После чего шагнул вперед и с силой вцепился мне в плечо.

Я скривилась от боли, но не позволила стону сорваться с моих губ. Гарольд прав, лишь на мне лежит ответственность за этот кошмар. Мне и отвечать...

Однако некромант не успел ничего ни сказать, ни сделать. Он вдруг изумленно кашлянул, и почти сразу после этого я услышала, как по лестнице кто-то поднимается.

– Хеда! – раздался встревоженный крик Дирка. – Хеда, где ты?!

Я кинула быстрый взгляд через плечо и остолбенела от увиденного.

Это действительно был мой брат. По всей видимости, он бежал сюда, поскольку с трудом переводил дыхание. Но не это заставило меня испугаться. Руки Дирка были все в крови. Багрово-черная жидкость стекала по его пальцам и капала на ковер, невольно напомнив мне недавно пережитый кошмар.

– Мальчик, что с тобой? – ужаснулась Найра.

– Я разбил окно, – негромко признался Дирк. – И немного порезался.

После чего внезапно закатил глаза и осел на пол в обмороке.

– О боги, как же мне надоела эта парочка! – почти прорычал Гарольд. – Что один, что вторая: постоянно спасать надо!

Наконец-то перестал терзать мое многострадальное плечо, стремительно подошел к Дирку и легко подхватил его на руки. После чего посмотрел на меня в упор, покачал головой и свистящим шепотом добавил:

– А с тобой я еще не закончил! Продолжу чуть позже, когда в очередной раз отгоню от твоего брата Вечного странника.

* * *

– Н-да, ну и натворила же ты бед!

Найра недовольно зацокала языком и осторожно сменила на моих ногах влажную холодную примочку, пропитанную какой-то целебной мазью.

Я грустно промолчала, глядя, как за окном вновь набирает силу буран. То и дело ветер бросал в стекла целые пригоршни колючего снега и уныло завывал в печной трубе. Даже страшно представить, что, по всей видимости, эту ночь мне и брату придется провести все в той же лачуге, продуваемой насквозь. Вряд ли виер Гарольд будет настолько милосерден, что оставит меня здесь после произошедшего. Эх, хоть бы Дирка не выгонял!

– Возьмите моего брата в услужение, – жалобно попросила я Найру, которая отвернулась к плите и принялась что-то помешивать в огромной кастрюле.

Мы сейчас находились на кухне. После пережитого я просто не могла быть одна. То и дело казалось, будто по полу ко мне опять ползут отвратительные змеи, а из темноты, под вечер скопившейся в углах, доносилось какое-то омерзительное чавканье и хлюпанье. Я понимала, что, скорее всего, это мне лишь чудится. Но все же напросилась помочь Найре с приготовлением ужина. Хотя это слишком сильно сказано. Скорее, я отвлекала несчастную женщину своим рассказом. К тому же она решила обработать мои ожоги, заявив, что иначе останутся шрамы. В общем, не было ничего удивительного в том, что жаркое у нее подгорело, а суп она пересолила и сейчас отчаянно пыталась спасти положение.

После моей просьбы Найра едва не выронила половник. Обернулась ко мне, изумленно вскинув брови.

– Я понимаю, что заслужила наказание, – поторопилась я объясниться. – Виер Гарольд наверняка выгонит меня. Но хотя бы Дирка оставьте! Он хороший мальчик. Послушный, не капризный. Да, сейчас он слишком мал, но год или два – и лучше помощника по хозяйству вы не найдете! Дров наколоть, воды натаскать...

– Ты что, всерьез считаешь, будто Гарольд так поступит? – Голос Найры зазвенел от с трудом сдерживаемого негодования. – Хеда, ты с ума сошла! Никуда он тебя не выгонит! Даже не думай об этом!

Я лишь грустно покачала головой. Хотелось бы верить, конечно, что Найра права. Но я не сомневалась в том, что Гарольд сейчас в настоящем бешенстве. Столько всего я натворила по глупости!

– И потом, если бы он действительно собирался вас выгнать, то не стал бы сейчас в очередной раз спасать жизнь твоему брату, – добавила Найра, которая внимательно наблюдала за моей реакцией на ее слова. – Подумай сама, зачем ему тратить магическую энергию, если он желает выкинуть вас прочь? Тем более он прекрасно понимает, что почти наверняка вы после этого погибнете от холода и голода. Право слово, с его стороны в таком случае было бы куда милосерднее позволить твоему брату истечь кровью.

В этот момент от плиты ощутимо повеяло горелым. Найра с чувством выругалась и опять загремела кастрюлями.

Некоторое время после этого было тихо. Я отбросила в сторону уже нагретую тряпку и хмурилась, разглядывая на своих ногах пятна ожогов. Они по-прежнему до дрожи напоминали отпечатки ладоней, все так же неестественно пламенея. Но хотя бы зудеть перестали, и то благо. Найра тоже молчала, хотя то и дело бросала на меня взгляды через плечо, по-прежнему занимаясь ужином. Наконец она щедро почерпнула из кастрюли и осторожно попробовала суп. Судя по кислой физиономии, вкус получившегося блюда ей не понравился. Найра с раздражением бросила половник в раковину и тяжело вздохнула.

– Все сегодня наперекосяк! – пожаловалась она, адресуя это, по всей видимости, мне.

Я невольно кивнула, соглашаясь с ней, и опять накрыла тряпкой ожоги в напрасной надежде, что это как-нибудь исправит положение. Не хочу, чтобы у меня остались настолько страшные шрамы!

Найра щелкнула пальцами, и огненное заклинание, греющее плиту, само собой погасло. Женщина устало присела за узкий кухонный стол и подперла ладонью голову.

– Что-то долго хозяин с твоим братом возится, – пробормотала она, озвучив мою тревогу. – Все ли в порядке там?

Я лишь жалобно скривилась, с трудом удерживая слезы. Подумать только, новое несчастье с Дирком произошло именно по моей вине! Если бы я не сунула свой любопытный нос в вещи некроманта и не выпустила бы на волю то чудище, то брат остался бы жив и здоров. Следы, оставленные им, слишком недвусмысленно указывали на произошедшее. Он так переживал за меня, что разбил окно, желая выбраться из запертой комнаты. А когда вылезал во двор, то сильно порезал руки. А теперь он там, наверху, и я не имею ни малейшего понятия, жив ли Дирк или уже встретился с нашими родителями...

– Чем тут так воняет? – перебил мои горестные раздумья знакомый голос.

Я подняла голову и с весьма неоднозначными чувствами увидела Гарольда.

Стоило признать, некромант за время, прошедшее после поединка с неведомым порождением бога-пасынка, немного пришел в себя. По крайней мере, он сменил разодранную в клочья рубашку на другую, смыв с лица кровь и даже синяк под глазом уже не выглядел настолько угрожающе-фиолетовым.

– Ой, это суп убежал! – тут же повинилась Найра. Подумала немного и чуть слышно добавила: – И жаркое немного пригорело.

Гарольд недовольно хмыкнул и перевел взгляд на меня.

Я попыталась было соскочить с низкого топчана, на котором прежде расположилась. Но обожженные ноги по-прежнему крайне плохо держали меня, поэтому тут же с размаха уселась обратно. Ну хоть подол платья успела опустить, прикрыв свои так называемые боевые раны.

Гарольд опять посмотрел на Найру, которая даже не пыталась скрыть любопытства и жадно наблюдала за развитием событий.

– Да, пойду я, пожалуй, – спохватилась служанка. – В комнате у себя приберусь. Посмотрю, застеклили ли окно.

Гарольд посторонился, пропуская служанку. Но на самом пороге она замедлила шаг и спросила, обращаясь к некроманту:

– А Дирк?..

– В порядке, – почти не разжимая губ, обронил он.

После чего Найра воссияла самой радостной из всех возможных улыбок и быстро покинула кухню, едва не споткнувшись от поспешности.

Я тоже с нескрываемым облегчением перевела дыхание. Дирк в порядке! Какое счастье это слышать!

Гарольд не торопился подойти ко мне и начать непростое разбирательство моего проступка. Сначала он закрыл за служанкой дверь, затем несколько секунд просто стоял, глядя отсутствующим взглядом куда-то поверх моей головы.

Неожиданно я почувствовала жалость к нему. Сейчас, при ярком свете магической искры, неспешно плавающей под потолком, я вдруг увидела, насколько изможденным выглядит некромант. Под глазами – черные круги усталости, волосы словно поблекли и явно нуждаются в расческе, от крыльев носа к уголкам рта пролегли резкие глубокие морщины.

– Если бы ты знала, чего мне стоило все это, – вдруг негромко обронил Гарольд.

Нет, он не кричал и не обвинял меня. В его голосе послышалась лишь усталая горечь. Но от этого мне не стало легче. Напротив, мою несчастную душу вновь начали терзать угрызения совести.

– Простите, – прошептала я и опять попыталась встать.

– Сиди уж, – поморщившись, приказал он, и я послушно опустилась на топчан.

Гарольд подошел ближе, и я вдруг заметила, что он тяжело припадает на левую ногу.

– Да, эта тварь любит вцепляться в щиколотки, – с кривой ухмылкой проговорил некромант, перехватив мой взгляд. – Впрочем, ты испытала это на собственном опыте.

После чего он сел рядом со мной. Топчан был слишком низок, поэтому Гарольду пришлось сильно напрячь пострадавшую ногу, и он не удержался от краткого болезненного шипения.

– Так будет лучше, – произнес он и с нескрываемым облегчением вытянул длинные ноги, которые почти достали до плиты.

Некоторое время после этого было тихо. Я боялась первой начать разговор, поскольку не сомневалась, что обязательно услышу в свой адрес много нелестного, но, увы, справедливого. А Гарольд с отсутствующим видом глядел в окно, за которым бушевала метель.

На какой-то миг мне показалось, что он задремал с открытыми глазами. Но почти сразу после этого Гарольд очнулся и посмотрел на меня.

– Как Дирк? – спросила я, больше всего желая узнать о судьбе своего брата.

– Потерял много крови, – честно ответил Гарольд. – Ему не повезло разрезать себе вены на обеих руках. Ладно бы поперек, но наискось, почти вдоль. Чудо, что он вообще дошел до второго этажа. Видимо, холод замедлил кровопотерю. Но все равно, это настоящий подвиг для такого маленького мальчика, особенно если учесть, что совсем недавно он уже побывал на пороге мира духов.

– Но он поправится? – настойчиво переспросила я.

– Обязан. – Гарольд слабо усмехнулся. – Я вкачал в него столько энергии, что теперь не позволю ему умереть. Самому обидно будет, что столько стараний пошло насмарку.

И еще одна долгая пауза. Ожоги на ногах вновь начали зудеть, и я украдкой покосилась на банку с целебной мазью, которую мне оставила Найра. Нет, потерплю, пожалуй. Будет как-то

неловко, если я задеру платье и примусь щеголять перед некромантом своими голыми щиколотками.

– Спасибо, – негромко сказала я.

– О, неужели я наконец-то дождался этого слова? – с иронией спросил Гарольд. – Очень интересно, милая моя, и за что именно ты мне благодарна? За то, что я вытащил твоего брата из лап смерти, причем, заметь, дважды? За то, что спас тебя, опять-таки два раза? Или же за то, что позволил тебе и Дирку остаться, а ты в ответ разгромила мне весь кабинет и призвала из мрака того, кто пожирает души?

– Простите, господин, я не знала, что так все получится, – прошептала я, сгорая от стыда.

– Вот что, зови меня просто Гарольд, – приказал мне некромант, досадливо поморщившись. – Все-таки, как ни крути, но знатность твоего происхождения никак не уступает моему, а, скорее, даже превосходит его. Это во-первых. А во-вторых, как-то странно «выкатать» друг другу после событий прошлой ночи. Не находишь?

Я предпочла не ответить на этот вопрос, хотя прекрасно поняла, что Гарольд имеет в виду. Я вспомнила, как задышалась от наслаждения в его объятиях, как он медленно и вдумчиво изучал мое тело, покрывая его поцелуями... Да, пожалуй, Гарольд в чем-то прав.

– Покажи мне свои ноги, – неожиданно попросил Гарольд. И тут же, не дожидаясь моей реакции на свои слова, самым неприличным образом задрал подол моего платья.

Я возмущенно охнула. Попыталась было отпрянуть, но рука некроманта уже лежала на моих плечах, то ли обнимая, а скорее, удерживая на месте.

– Не дергайся, – приказал Гарольд, пока его тонкие изящные пальцы осторожно ощупывали мои распухшие обожженные щиколотки.

Я прикусила губу, в любой момент ожидая почувствовать всплеск боли. Но, удивительное дело, этого не происходило, хотя некромант то и дело опасно приближался к зловещим следам ладоней чудовища, навсегда отпечатавшимся на моей коже.

– Да, боюсь, моего магического мастерства не хватит, чтобы избавить тебя от этого «украшения», – наконец печально констатировал Гарольд. Глубоко вздохнул, словно досадуя на себя и добавил: – Как ни крути, но в первую очередь я некромант. Тут необходимо искусство исцеления, а не магия смерти.

– Да без разницы, – тут же отозвалась я и торопливо опустила подол. Чуть слышно фыркнула себе под нос: – Пусть это послужит мне должным напоминанием.

– Не беспокойся, я что-нибудь придумаю, – сказал Гарольд, сделав вид, будто не услышал моей последней фразы. Покосился на окно, за которым было белым-бело от разыгравшейся непогоды, и продолжил: – Сегодня слишком поздно. Да и не хочется после всего случившегося отправляться в гости. А вот завтра с самого утра навестим одного моего приятеля. Не думаю, что несколько часов испортят положение. К тому же самое главное сейчас – не избавиться от шрамов, а нейтрализовать яд.

Яд? Я испуганно икнула от этого слова. Неужели неведомая тварь отравила меня? И я вдруг вспомнила змею, обвившуюся вокруг моей ноги. Ведь она вполне могла укусить меня, а я бы не заметила, охваченная ужасом.

– Прикосновения этого создания ядовиты, – сказал Гарольд и опять без спроса поднял подол моего платья, обнажив пламенеющие следы ожогов. – Видишь? Мазь, которую тебе дала Найра, немного замедлила процесс, но процесс распада тканей продолжается. Или ты не замечаешь, что ожоги словно расплываются по твоей коже?

Я испуганно икнула и присмотрелась. О небо, а ведь Гарольд прав! Раньше ожоги явно были меньше.

– И что же делать? – спросила я, чуть не плача.

– Не беспокойся, яд действует достаточно медленно. – Гарольд подарил мне краткую ободряющую улыбку. Помолчал немного и вкрадчиво добавил: – Но сперва я очень хотел бы узнать, а что, собственно, ты забыла в моем кабинете?

Я виновато опустила голову. Обманывать Гарольда совершенно не хотелось. Он так много сделал для меня и для брата, да и сам едва не погиб! Но сказать ему правду... Боюсь, некроманту вряд ли понравится, что я намерена выяснить все обстоятельства гибели моих родителей. Ведь тем самым я рискую навлечь на него гнев слишком могущественных личностей.

– Если ты посмеешь солгать мне, то я все равно пойму, – будничным тоном предупредил меня Гарольд и наконец-то убрал руки от моих ног, после чего я торопливо опустила платье и спрятала таким образом ожоги. Помолчал немного и зловеще добавил: – И вот после этого я все-таки вышвырну тебя из дома. Пусть мороз остудит твою слишком горячую голову. А за Дирка не волнуйся. Его не трону. Он же не виноват, что у него сестра такая проныра любопытная.

И еще одна долгая мучительная пауза. Слова признания никак не шли с моих губ. Как же тяжело держать ответ за свою глупость!

– Я специально заглянула в ваш... – На этом месте Гарольд зло хмыкнул, и я торопливо исправилась: – То есть в твой кабинет. Я хотела найти какую-нибудь книгу по колдовскому искусству.

– Зачем тебе это понадобилось? – отрывисто спросил он. – Или решила проверить, не обладаешь ли магическим даром?

Я неопределенно пожала плечами и щелкнула пальцами. Тотчас же свечной огарок, забытый на столе, вдруг вспыхнул. Крохотный веселый огонек с треском побежал по фитилю.

– Однако, – пробормотал Гарольд, с изумлением уставившись на эту картину.

Я опять щелкнула пальцами, и лепесток пламени угас, так и не набрав полной силы.

– Небольшой дар у меня действительно есть, – смущенно призналась я. – Мать не позволяла мне развивать его. Считала, что не подобает дочери графа заниматься такими фокусами.

И опять Гарольд хмыкнул, покоробленный моей последней фразой.

– Фокусы – это ее выражение, – поторопилась объяснить я. – Я лишь повторяю слова матери.

– Ну что же, это объясняет, почему тварь откликнулась на твой призыв. – Гарольд задумчиво забарабанил пальцами по колену. – Насколько я понял, ты порезалась бумагой, когда листала книгу. Кровь той, которая обладает колдовским даром, могла бы пробудить пожирателя душ. Но все же как-то странно... Я считал, что крови для этого потребуется куда больше. А ты уронила всего пару капель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.